

Влад Генделев

ВТОРАЯ ДУЭЛЬ

Влад Генделев

ВТОРАЯ ДУЭЛЬ

«Автор»

2026

Генделев В.

ВТОРАЯ ДУЭЛЬ / В. Генделев — «Автор», 2026

Санкт-Петербург, 1787 год. Отставной офицер Александр Ратников давно отказался от дуэлей, но прошлое само вызывает его к барьеру. Люди получают вызовы от противников, умерших много лет назад, а за чередой убийств проступают следы тайного общества, научившегося использовать странные законы Второго Счёта. Расследуя невозможные поединки, Ратников постепенно понимает: пятнадцать лет назад одна из его собственных дуэлей так и не закончилась. И теперь ему предстоит сделать то, чего он не делал много лет, — снова встать перед заряженным пистолетом.

© Генделев В., 2026

© Автор, 2026

Влад Генделев

ВТОРАЯ ДУЭЛЬ

ПРОЛОГ. ВТОРОЙ ВЫЗОВ

Снег начался после четырёх и к вечеру успел сделать Петербург тише.

Он лежал на карнизах, забивал щели между булыжниками, белел на чёрных крышах экипажей и медленно превращался под копытами в серую кашу. Возле Фонтанки извозчики ругались вполголоса, лошади тяжело переступали в мокром месиве, а редкие прохожие шли быстро, втянув головы в поднятые воротники.

Пётр Николаевич Архаров вышел из кареты за квартал до назначенного места.

Ему было пятьдесят семь. Когда-то он служил в гвардии и там познакомился с Александром Ратниковым, который был моложе его почти на шестнадцать лет. Сначала Архаров относился к нему как старший офицер к способному, слишком уверенному в себе молодому товарищу. Позднее между ними возникла дружба — не та, при которой люди ежедневно бывают друг у друга, а более редкая и, возможно, более прочная: они могли не видеться месяцами, но каждый знал, что в действительно серьёзном деле вправе прийти к другому без приглашения.

В молодости Ратников дрался слишком часто.

Архаров несколько раз был его секундантом и дважды сумел закончить дело примирением ещё до того, как противники взялись за пистолеты. Ратников тогда ворчал, что Пётр Николаевич портит ему репутацию.

Архаров отвечал:

— Я стараюсь сохранить вам жизнь достаточно долго, чтобы вы успели испортить её самостоятельно.

В 1772 году примирить Ратникова с Григорием Вяземцевым не удалось.

Архаров стоял возле него и в тот день.

Поэтому, когда пятнадцать лет спустя ему сообщили, что кто-то снова расспрашивает о той дуэли и прежде всего о Ратникове, он пришёл на встречу.

— Ждать здесь? — спросил кучер.

— Нет. Езжай домой.

— А обратно?

— Найду извозчика.

Кучер посмотрел на снег.

— В такую погоду?

Архаров сунул ему монету.

— В такую погоду люди тоже хотят есть.

Кучер пожал плечами, тронул вожжи, и карета медленно ушла вдоль улицы.

Архаров постоял несколько секунд, слушая удаляющийся стук колёс.

Ему было пятьдесят семь, и последние десять лет он особенно ценил две вещи: тёплый дом и отсутствие необходимости куда-либо идти после наступления темноты.

Сегодня пришлось отказаться от обеих.

Он повернул к Фонтанке.

Дом, возле которого ему назначили встречу, стоял немного в глубине. Первый этаж занимала закрытая на зиму лавка, над ней темнели четыре окна. У ворот горел фонарь.

Человек ждал под аркой.

— Вы один? — спросил он.

— Если бы был не один, вы бы уже ушли.

— Возможно.

Архаров подошёл ближе.

Лица собеседника почти не было видно. Высокий воротник закрывал подбородок, шляпа была надвинута на глаза.

— Ваше письмо меня не обрадовало, — сказал Архаров.

— Оно и не должно было.

— Тогда зачем вы его написали?

Человек оглянулся на улицу.

— Потому что снова спрашивали о семьдесят втором годе.

Архаров перестал улыбаться.

— Кто?

— Люди, которых я предпочёл бы больше никогда не видеть.

— Это не ответ.

— Другого у меня нет.

Архаров несколько секунд смотрел на него.

— Пятнадцать лет никто не вспоминал об этой истории.

— Вспоминали. Просто не при вас.

— Обо мне спрашивали?

— Нет.

— О Вяземцеве?

Человек помедлил.

— О Ратникове.

Архаров едва заметно нахмурился.

Из темноты улицы донёсся звон колокольчика. Проехали сани.

— Что именно хотели знать?

— Где живёт. С кем встречается. Стреляет ли ещё. Бывает ли в офицерских клубах. Поддерживает ли старые знакомства.

— Кто спрашивал?

— Я уже сказал.

— Вы сказали, что боитесь назвать имя.

— Это несколько иное.

Архаров усмехнулся.

— В моём возрасте различие между осторожностью и трусостью становится особенно хорошо заметно.

Человек не обиделся.

— В вашем возрасте, Пётр Николаевич, следовало бы особенно хорошо различать трусость и желание дожить до утра.

Архаров хотел ответить, но промолчал.

Собеседник подошёл ближе.

— Предупредите Ратникова.

— О чём?

— Пусть не принимает никаких вызовов.

Архаров покачал головой.

— Вы плохо его знаете. Александр Сергеевич уже пятнадцать лет не дерётся.

— Вы хорошо его знаете?

— Достаточно, чтобы несколько раз стоять рядом с ним под чужим пистолетом.

— Тогда тем более предупредите.

— Почему сами не можете?

— Потому что вам он поверит.

Архаров посмотрел внимательнее.

— А вам?

— Мне не должен.

— Теперь это начинает мне не нравиться.

— Оно и раньше не должно было вам нравиться.

— Что случится, если Ратников просто откажется?

— Не знаю.

Человек сказал это слишком быстро.

Архаров заметил.

— Лжёте.

Собеседник промолчал.

— Вы знаете, — продолжил Архаров. — И именно поэтому пришли ко мне.

— Предупредите его сегодня.

— О чём?

— О том, чтобы он ничего не принимал, пока не поймёт, что именно ему предлагают.

— Вы говорите о дуэли?

— Я говорю о вызове.

— Это разные вещи?

Человек не ответил.

Архаров сделал шаг к нему.

— Послушайте. Ратников мне не сын и не младший брат. Он взрослый человек, который большую часть жизни успешно сопротивлялся чужим советам. Если вы хотите, чтобы я его остановил, мне понадобится не загадка, а причина.

Человек тихо произнёс:

— Старые счета иногда предъявляют дважды.

Архаров нахмурился.

— Что это значит?

Но человек уже отступил в глубину арки.

— Постойте.

Тот остановился.

— Если хотите, чтобы я вам поверил, дайте мне хоть что-нибудь.

После паузы человек сказал:

— Вспомните, кто находился возле Вяземцева после выстрела.

— Врач. Его слуга. Несколько наших людей.

— Не только.

— Кто ещё?

— Вот это и вспомните.

Он повернулся и исчез во дворе.

Архаров не пошёл следом.

Несколько секунд он стоял под аркой, глядя в темноту.

Потом медленно вышел на улицу.

Снег усилился.

До дома он добрался около семи.

Слуга снял с него мокрое пальто.

— Ужин подавать?

— Через полчаса. И принеси бумагу.

— В кабинет?

— Да.

Архаров поднялся наверх.

В кабинете было тепло. В камине потрескивали дрова, на столе стоял графин с коньяком.

Он налил немного, но пить не стал.

Сел.

Перед ним лежал чистый лист.

Пятнадцать лет.

Он действительно почти не вспоминал тот день.

Тогда всё произошло слишком быстро.

Сначала была ссора, потом вызов и безуспешная попытка Архарова уладить дело. Вяземцев упрямился, Ратников — ещё сильнее, и в конце концов они отправились за город, где встали друг против друга в двадцати шагах. Вяземцев стрелял первым и промахнулся. Ратников — нет. Архаров помнил звук попадания, кровь на рубашке и то, как Вяземцев отшатнулся, будто его резко дёрнули назад. Но теперь особенно ясно вспоминалось другое: почти сразу появились чужие люди, словно находились где-то рядом и только ждали выстрела.

Тогда Архаров решил, что кто-то из людей Вяземцева заранее позаботился о враче.

Теперь ему впервые пришло в голову:

а если они ждали не ранения?

Если они ждали именно выстрела?

Он взял перо.

«Александр Сергеевич.

За годы нашего знакомства я достаточно часто советовал вам не стреляться, чтобы вы имели полное право не читать дальше. Всё же на этот раз прошу сделать исключение.

Сегодня мне сообщили обстоятельство, касающееся нашего старого дела с Григорием Вяземцевым. Пока не знаю, насколько сведения достоверны, но считаю необходимым предупредить вас...»

Архаров остановился.

Написал дальше:

«Если в ближайшие дни вы получите вызов на поединок, независимо от имени вызывающего, прошу ничего не предпринимать, пока мы не увидимся».

Подумал.

Добавил:

«Особенно если вызывающий вам знаком».

Это выглядело нелепо.

Но Ратников знал его достаточно хорошо, чтобы понять:

Архаров не стал бы писать подобное ради шутки.

Он сложил лист, запечатал его и позвонил. Вошёл слуга.

— Отнеси Александру Сергеевичу Ратникову. Лично в руки.

— Сейчас?

— Сейчас.

— Хорошо, Пётр Николаевич.

Архаров протянул письмо.

Слуга ушёл.

Только после этого Архаров выпил коньяк.

Через сорок минут слуга вернулся.

Без шапки.

Архаров поднялся.

— Что случилось?

— Письмо отняли.

— Кто?

— Не знаю.

— Как это — не знаешь?

Слуга тяжело дышал.

— Возле Литейной двое. Один толкнул меня к стене, второй вырвал письмо. Я закричал. Они убежали.

— Ты видел лица?

— Нет. Шарфы.

Архаров подошёл к окну. Теперь сомнений почти не осталось.

— Никому не рассказывай.

— Но...

— Никому.

Он быстро написал второе письмо.

На этот раз короче.

Не стал запечатывать его обычной печатью.

Сложил вчетверо и спрятал во внутренний карман.

— Позови Матвея.

— Кучера?

— Да.

Через несколько минут в кабинет вошёл пожилой широкоплечий человек.

Архаров сказал:

— Поедешь к моему брату. Передашь ему это.

— А он?

— Пусть утром лично отвезёт Александру Сергеевичу.

Матвей взял письмо.

— Почему через него?

— Потому что первое не дошло.

Кучер ничего больше не спросил.

Он давно служил Архарову.

Когда дверь закрылась, Пётр Николаевич впервые почувствовал себя немного спокойнее.

Ненадолго.

Около десяти принесли ещё одно письмо — без имени отправителя, на плотной бумаге. Архаров вскрыл его, прочитал и затем перечитал ещё раз.

«Пётр Николаевич.

Вы должны мне один выстрел.

Завтра, в одиннадцать часов вечера.

Старая дорога за Выборгской стороной.

Н. Беклемишев».

Архаров медленно опустился в кресло.

Николай Беклемишев умер девять лет назад.

Архаров это знал точно.

Он сам стрелял в Беклемишева, видел кровь, присутствовал у постели, когда врач сказал, что надежды нет, а затем стоял на похоронах.

На следующий день Архаров никому не рассказал о письме.

До вечера он несколько раз доставал его из кармана.

Смотрел на подпись.

Убирал обратно.

Он мог послать вместо себя человека, сообщить властям или просто остаться дома. Последнее было разумнее всего.

В половине десятого Архаров приказал подать карету.

Не столько из храбрости, сколько из раздражения.

В пятьдесят семь лет он уже слишком хорошо знал собственные слабости и потому не называл любопытство мужеством.

Ему хотелось увидеть человека, решившего притвориться мёртвым Беклемишевым.

Старая дорога была почти пустой.

Карету Архаров оставил у последнего трактира.

Дальше пошёл пешком.

Снег прекратился.

Между облаками иногда появлялась луна.

Впереди темнела небольшая роща.

Человек стоял возле двух голых лип.

Архаров остановился.

Даже на расстоянии сходство было поразительным.

Рост, плечи, посадка головы — всё было знакомым. Когда человек шагнул вперёд, Архаров увидел лицо и на мгновение действительно увидел Беклемишева. Почти.

— Добрый вечер, Пётр Николаевич.

Голос тоже был похож.

Архаров медленно снял перчатку.

— Николай?

— Вы удивлены?

— Чрезвычайно.

— Я надеялся.

— Вы умерли.

Человек улыбнулся.

— Как видите, слухи оказались несколько преувеличены.

Архаров подошёл ещё на два шага.

Теперь он видел лицо лучше.

Работа была очень хорошей: грим почти не замечался.

— Девять лет, — сказал Архаров.

— Девять.

— И всё это время вы ждали?

— Некоторые долги требуют терпения.

Архаров посмотрел на его левую руку.

— Рука по-прежнему болит?

Замешательство длилось всего мгновение, но Архарову этого хватило.

— Иногда, — ответил человек.

Архаров улыбнулся.

— Тогда вы не Беклемишев.

Человек не двинулся.

— Почему?

— Потому что я прострелил ему правую руку.

Тишина.

Архаров продолжил:

— А левая у него никогда не болела.

Лицо напротив изменилось едва заметно, но Беклемишев исчез. Перед Архаровым снова стоял незнакомый мужчина.

— Неплохо, — сказал Архаров. — Голос особенно хорош. Вы актёр?

Незнакомец отступил.

Архаров услышал хруст снега за спиной.

Обернулся.

Из темноты вышел ещё один человек.

Он был широкоплеч, в тяжёлом пальто, и двигался спокойно, без торопливости.

Архаров медленно сунул руку под полы сюртука.

— Значит, всё-таки двое.

Новый человек сказал:

— Не надо.

— Что именно?

— Доставать пистолет.

— Тогда вам следовало оставить меня дома.

Архаров выхватил оружие.

Первый человек бросился в сторону.

Второй оказался быстрее, чем можно было ожидать от его тяжёлой фигуры.

Ударил Архарова по руке.

Пистолет выстрелил в снег.

Архаров ударил противника рукоятью по лицу.

Тот отшатнулся.

Архаров развернулся, пытаясь добраться до дороги.

Не успел.

Резкая боль вошла под левую лопатку.

Он сделал ещё два шага.

Ноги перестали слушаться.

Упал на колено.

Человек за спиной выдернул клинок.

Архаров посмотрел на снег.

Очень белый.

Почему-то это показалось ему важным.

— Уходим, — сказал актёр.

— Подожди.

Тяжёлый мужчина наклонился к Архарову.

— Кому вы написали?

Архаров поднял голову.

— Екатерине Алексеевне.

Мужчина ударил его.

— Кому?

Архаров засмеялся.

Кровь попала на губы.

— Государыне. Просил передать, что вы плохо воспитаны.

Мужчина выпрямился.

— Общайте его.

Архаров понял:

они знают о втором письме.

Значит, Матвей мог не успеть.

Или успел.

Он уже ничего не мог изменить.

Но мог оставить ещё одно сообщение.

Правую руку он положил на снег.

Совсем рядом была кровь.

Архаров медленно повёл пальцем.

Р.

Потом А.

Мужчины спорили в нескольких шагах.

Т.

Сил почти не осталось.

«РАТ...»

Не просто фамилия.

Последний человек, которого Архаров ещё мог попытаться предупредить.

И, возможно, единственный человек, который поймёт, почему старый секундант перед смертью вспомнил именно о нём.

Палец перестал слушаться.

Архаров закрыл глаза.

Рядом кто-то быстро прошёл.

Что-то тихо упало в снег.

Маленький металлический предмет.

Никто не заметил.

На одной стороне была римская цифра II, перечёркнутая тонкой горизонтальной чертой.

На другой — две маленькие точки.

Через несколько минут дорога опустела.

Снег снова начал падать.

Сначала он припорошил следы.

Потом кровь.

Но три буквы возле руки Архарова ещё долго оставались видны.

РАТ...

ГЛАВА I. ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ БОЛЬШЕ НЕ ДЕРЁТСЯ

«Мы редко замечаем цену спокойствия, пока кто-нибудь не постучит в дверь».

Из записной книжки неизвестного
Крыша протекала третий день.

Первые два Александр Сергеевич Ратников считал это временным неудобством. На третий Степан Прохорович поставил посреди кабинета медный таз и объявил, что временное неудобство получило постоянное место жительства.

Капля падала примерно раз в десять секунд.

Ратников некоторое время прислушивался.

Кап.

Он перевернул страницу газеты.

Кап.

Поднёс чашку ко рту.

Кап.

— Степан Прохорович.

— Слушаю.

— Она нарочно?

Степан стоял возле печи и перекладывал поленья с таким выражением, будто каждое из них лично нанесло ему оскорбление.

— Кто?

— Вода.

— Не знаю. Я с ней не разговаривал.

— Попробуйте. Вы умеете убеждать.

— Я вчера с кровельщиком разговаривал. Вода оказалась понятливее.

Ратников посмотрел на потолок.

На штукатурке расплзлось желтоватое пятно.

Дом был хорошим, тёплым и достаточно старым, чтобы каждую осень напоминать хозяину: собственность отличается от аренды главным образом количеством расходов.

— И что сказал кровельщик?

— Сказал, что до весны делать нечего.

— Разумный человек.

— Потом сказал, что может сделать завтра.

— Уже подозрительно.

— За восемь рублей.

Ратников опустил газету.

— За восемь рублей я сам могу подняться на крышу.

— Можете.

— И починить.

— Нет.

— Почему такая разница в оценке моих способностей?

Степан закрыл печную дверцу.

— На крышу вы залезете. В этом я нисколько не сомневаюсь. А дальше начнёте рассуждать, почему вода течёт именно сюда. Потом решите проверить. Потом провалитесь.

— Вы удивительно невысокого мнения о моих практических способностях.

— Я тридцать один год наблюдаю ваши практические способности.

Ратников снова поднял газету.

— Хорошо. Семь рублей.

— Он просит восемь.

— Значит, предложите шесть.

— Почему?

— Чтобы сойтись на семи.

Степан посмотрел на хозяина.

— А если не согласится?

— Найдите другого.

— Другой просит девять.

— Тогда возвращайтесь к первому. Он покажется честным человеком.

Степан покачал головой и ушёл.

Ратников улыбнулся.

Утро было серым, холодным и совершенно обыкновенным.

Именно такие утра он любил больше всего.

За окном медленно просыпалась улица. Проехала телега с дровами. Извозчик бранился на лошадь, лошадь относилась к этому равнодушно. Женщина в тёмном платке тащила за руку мальчика, который упорно пытался идти по краю тротуара. Из булочной напротив вынесли корзину хлеба, и даже через закрытое окно Ратникову на мгновение показалось, что он чувствует тёплый запах.

На столе стояли яйца, холодная телятина, хлеб, масло и кофе.

Ратников ел медленно.

Газета была вчерашней.

Свежую Степан ещё не принёс, но Александр Сергеевич не видел в этом большой беды. Большинство событий становились понятнее на следующий день, а некоторые — через несколько лет.

На первой странице обсуждали очередные распоряжения, касавшиеся порядка в столице. На второй помещались известия из Европы. Дальше шли объявления, сообщения о продаже домов, найме слуг, пропавших вещах и лошадях.

Ратников задержался на небольшой заметке о наказании двух молодых офицеров за участие в поединке.

Прочитал.

Перевернул страницу.

Степан вернулся с пачкой бумаг.

— Это ещё что?

— Счета.

— Уберите.

— Я только принёс.

— Тем более. Не успели привыкнуть.

Степан положил бумаги рядом с тарелкой.

— Дрова.

— Знаю.

— Мясник.

— Предполагаю.

— Вино.

Ратников посмотрел поверх газеты.

— Вот это уже серьёзно.

— Кровельщик.

— Мы его ещё не наняли.

— За осмотр.

— Он берёт деньги за то, чтобы посмотреть на мою крышу?

— Да.

— Хорошая профессия.

— Можете попробовать.

Ратников отложил газету.

— Степан Прохорович, вы сегодня особенно недовольны жизнью.

— Я жизнью доволен. Я вашими расходами недоволен.

— Это совершенно разные области философии.

— Для человека, который платит по вашим счетам, не очень.

Ратников взял верхний лист.

Посмотрел.

Второй.

Третий.

— А это?

— Сапожник.

— Я ему заплатил.

— В прошлом месяце.

— Значит, он должен помнить это с благодарностью.

— Он помнит. Поэтому прислал новый счёт.

Ратников положил бумагу обратно.

— Через неделю.

— Вы это говорили неделю назад.

— Значит, я последователен.

Степан вздохнул.

В дверь позвонили.

Он вышел.

Ратников снова взял газету.

Кап.

Капля ударила в таз.

На этот раз звук почему-то раздражал.

Через минуту Степан вернулся с небольшим конвертом.

— Вам.

— От кого?

— От Елизаветы Андреевны.

Ратников протянул руку.

Конверт был светло-серый, простой, без герба и украшений.

Почерк он узнал сразу.

Елизавета Ростовцева писала аккуратно, но быстро, словно не считала необходимым делать из каждой буквы доказательство хорошего воспитания.

Ратников повертел конверт в пальцах.

Положил рядом с газетой.

Степан остался стоять.

— Что?

— Ничего.

— Тогда почему вы не уходите?

— Жду.

— Чего?

— Когда прочитаете.

— Почему это вас интересует?

— Потому что Елизавета Андреевна в прошлый раз просила ответить ей до четверга.

— Сегодня среда.

— Сегодня пятница.

Ратников посмотрел на окно, будто там могло находиться независимое подтверждение.

— Уверены?

— С утра была.

— Странно.

— Что именно?

— Неделя прошла подозрительно быстро.

Степан кивнул на письмо.

— Читайте.

— Потом.

— У вас всё потом, Александр Сергеевич.

— Это позволяет сохранять большое количество нерешённых вопросов.

— И неоплаченных счетов.

— Вот видите. Метод универсальный.

Степан покачал головой.

— Елизавета Андреевна не кровельщик.

— Я заметил.

— Кровельщик хотя бы приходит второй раз.

— Вы сегодня решили заняться моей личной жизнью?

— Нет. Крышей. Но письмо лежит рядом.

Ратников взял конверт.

Несколько секунд смотрел.

Потом всё-таки вскрыл.

«Александр Сергеевич.

В воскресенье у меня будут Ростовцевы и несколько старых знакомых. Если вы снова намерены ответить мне в понедельник, что непременно пришли бы, если бы получили письмо вовремя, предупреждаю заранее: письмо отправлено в пятницу утром.

Е. Р.»

Ниже была приписка:

«И не спрашивайте Степана Прохоровича, какое сегодня число».

Ратников рассмеялся.

— Что?

— Ничего.

— Придёте?

— Возможно.

— Это значит нет.

— Это значит возможно.

— У вас «возможно» означает «нет», а «потом» означает «никогда».

Ратников сложил письмо.

— Вы удивительно хорошо изучили мой язык.

— Приходится.

Он положил письмо во внутренний карман сюртука.

Степан это заметил, но благоразумно промолчал.

За окном проехала карета.

Потом ещё одна.

Капля снова ударила в таз.

Кап.

Ратников поднялся.

Ему было пятьдесят два года, хотя человек, впервые увидевший Ратникова, обычно давал не больше сорока. Самого его это никогда особенно не занимало. В молодости он был худее, резче лицом и значительно хуже характером; с годами характер улучшился лишь настолько, чтобы окружающие научились терпеть его добровольно. Волосы оставались почти без седины, лицо — сухим и подвижным, глаза — серыми.

Двигался он легко, хотя уже много лет не упражнялся так регулярно, как прежде.

Пятнадцать лет назад его знали прежде всего как человека, который прекрасно стреляет и слишком охотно это доказывает.

Теперь его иногда всё ещё узнавали.

Обычно люди сначала смотрели на лицо, затем на руки.

Будто ожидали увидеть там пистолет.

Пистолета не было.

Ратников больше не дрался.

Не потому, что дал клятву или испугался, и даже не потому, что однажды убил человека.

Просто в какой-то момент он понял вещь, которая в двадцать лет кажется трусостью, а после сорока — здравым смыслом:

если человек хочет тебя убить, совершенно необязательно облегчать ему задачу, встав напротив на заранее отмеренном расстоянии.

Он подошёл к окну.

— Степан Прохорович.

— Что?

— А воскресенье действительно послезавтра?

— Если календарь опять не изменят.

— Напомните мне утром.

— В воскресенье?

— Завтра.

— Чтобы вы успели придумать причину не идти?

— Чтобы я успел решить.

— Это и есть причина не идти.

В дверь снова позвонили.

На этот раз иначе.

Сначала два коротких звонка, затем, после паузы, ещё один.

Степан нахмурился.

— Рано для визитов.

— Возможно, кровельщик снизил цену.

— Он так не стучит.

Степан вышел.

Ратников слышал приглушённые голоса в передней.

Один принадлежал Степану.

Второй был мужской, низкий.

Через несколько секунд дверь открылась.

— Александр Сергеевич, к вам Павел Андреевич Корсаков.

Ратников обернулся.

Улыбка исчезла.

Корсаков не относился к людям, которые приезжают утром поговорить о погоде.

— Просите.

Павел Андреевич вошёл, сняв перчатки.

Он был немного старше Ратникова, невысок, аккуратен и одет с той неброской тщательностью, которая почти всегда стоила дороже показной роскоши.

— Простите за ранний визит.

— Если вы пришли просить денег, Степан уже забрал всё.

— Боюсь, причина хуже.

— Тогда кофе?

Корсаков посмотрел на стол.

— Если можно.

— Степан Прохорович!

— Уже несу, — раздалось из-за двери.

Корсаков сел.

Ратников остался стоять.

— Что случилось?

Корсаков не ответил сразу.

Степан принёс чашку, поставил перед гостем.

Взглянул на обоих.

Ушёл.

Только тогда Корсаков сказал:

— Сегодня ночью нашли Петра Николаевича Архарова.

Ратников не шевельнулся.

— Где?

— За Выборгской стороной.

— Жив?

Корсаков посмотрел ему в глаза.

— Нет.

За окном кто-то громко крикнул на извозчика.

Где-то в доме хлопнула дверь.

Капля упала в таз.

Кап.

Ратников медленно сел.

— Как?

— Ножевое ранение. Возможно, сначала была драка. Рядом нашли разряженный пистолет.

— Его?

— По всей видимости.

— Деньги?

— При нём.

— Часы?

— Тоже.

— Значит, не грабёж.

— Поэтому я здесь.

Ратников некоторое время молчал.

Последний раз он видел Архарова месяца три назад.

Они встретились случайно возле книжной лавки, пошли обедать и два часа спорили о том, что хуже: молодость без опыта или старость с привычками.

Архаров утверждал, что второе.

Ратников — что первое.

Расстались, договорившись продолжить спор.

Не продолжили.

«Потом».

Он машинально коснулся кармана, где лежало письмо Елизаветы.

— Кто нашёл?

— Возчик утром. Увидел человека у дороги.

— Следы?

— Есть.

— Много?

— Достаточно, чтобы запутаться.

— Свидетели?

— Пока нет.

Ратников посмотрел на Корсакова.

— Павел Андреевич, почему вы пришли ко мне?

— Вы знали Архарова.

— Его знала половина старой гвардии.

— Вы знали его иначе.

— Это уже ближе к правде.

Корсаков сделал глоток кофе.

— И есть ещё одно обстоятельство.

— Какое?

— Место выглядит так, будто там собирались драться.

Ратников чуть прищурился.

— На дуэли?

— Я сказал: выглядит.

— Второй пистолет?

— Не нашли.

— Шпага?

— Нет.

— Секунданты?

— Неизвестно.

— Тогда почему дуэль?

— Расстояние. Следы. Положение Архарова. Его пистолет. Ещё несколько мелочей.

Ратников откинулся на спинку кресла.

— Несколько мелочей обычно оказываются важнее всего остального.

— Именно поэтому я приехал.

— Я больше не занимаюсь дуэлями.

— Вы ими никогда официально не занимались.

— Тем более.

— Мне нужен не следователь.

— Хорошо, потому что я им не являюсь.

— Мне нужен человек, который знает, как выглядит настоящая дуэль и как выглядит попытка её изобразить.

Ратников покачал головой.

— Есть офицеры.

— Есть.

— Есть люди, которые продолжают стреляться.

— К сожалению.

— Вот и спросите их.

— Они расскажут, как принято стреляться сейчас. Мне нужен человек, который помнит старые правила, старые привычки и старых людей.

— Вы пытаетесь польстить моему возрасту?

— Нет. Вашей дурной молодости.

Ратников усмехнулся.

— Так значительно лучше.

Корсаков поставил чашку.

— Александр Сергеевич, после апрельского манифеста любое дело, похожее на тайный поединок среди дворян или офицеров, становится неприятным. Если же кто-то организует такие поединки систематически, неприятность приобретает другой характер.

— Политический?

— Пока нет.

— Тогда зачем вам я?

— Потому что я хочу понять это раньше, чем дело попадёт к людям, которые сначала объявят его политическим, а потом начнут выяснять почему.

Ратников посмотрел на него внимательнее.

— Вы приехали неофициально.

— Совершенно.

— И хотите, чтобы я неофициально посмотрел на место.

— Да.

— Нет.

Корсаков даже не удивился.

— Я предполагал.

— Тогда зачем ехали?

— Потому что вы всегда сначала говорите нет.

— Неправда.

— Хотите привести пример?

Ратников подумал.

— Нет.

— Вот видите.

Несмотря на себя, Ратников улыбнулся.

Но улыбка быстро исчезла.

— Павел Андреевич, Пётр Николаевич был моим другом. Именно поэтому я туда не поеду.

— Объясните.

— Потому что дружба плохо помогает смотреть на кровь.

— Иногда наоборот.

— Нет. Она помогает хотеть найти виновного. Это не одно и то же.

Корсаков не спорил.

— Хорошо.

Он поднялся.

— Я должен был попросить.

— Попросили.

— И получил ожидаемый ответ.

— Рад, что не разочаровал.

Корсаков надел перчатку.

Потом остановился.

— Есть ещё одна вещь.

Ратников посмотрел на него.

— Вы намеренно оставили её напоследок?

— Да.

— Это нечестно.

— Поэтому обычно работает.

Корсаков вынул из внутреннего кармана сложенный лист.

— Это копия. Оригинал я не привёз.

Ратников взял.

На листе был грубо обозначен участок дороги, положение тела и несколько коротких пометок.

Возле правой руки Архарова стояло:

«Надпись кровью на снегу».

Ниже:

РАТ...

Ратников перестал улыбаться.

— Это точно?

— Видели трое.

— Кто записал?

— Человек, которому я доверяю.

— Архаров мог писать что угодно.

— Мог.

— «Ратуша». «Ратный». «Ратман». Чья-нибудь фамилия.

— Именно.

Ратников поднял глаза.

— Не подсказывайте мне вывод.

— Я ничего не сказал.

— Вы приехали ко мне с тремя буквами.

— Я приехал к вам раньше, чем увидел их сам. Мне сообщили о них уже по дороге. После этого я решил, что отказ выслушаю, но не приму.

Ратников снова посмотрел на лист.

«РАТ...»

Он представил Архарова на снегу: правую руку, кровь и палец, пытающийся оставить последнее слово.

Если это действительно была фамилия...

Нет.

Пока не доказано.

— Есть что-нибудь ещё?

Корсаков помедлил.

— Есть.

— Сегодня вы особенно любите порядок выдачи сведений.

— Мне хотелось сначала услышать ваши вопросы.

Он достал маленький свёрток из плотной бумаги.

Развернул.

На стол упал медный предмет размером чуть меньше обычной монеты.

Ратников посмотрел.

На одной стороне была римская цифра II.

Через неё проходила тонкая горизонтальная черта.

Он не коснулся предмета.

Корсаков заметил.

— Знаком?

— Не знаю.

— Вы изменились в лице.

— Это ещё не доказательство знакомства.

— Согласен.

Ратников наклонился.

Металл был тёмным, потёртым.

В одном месте на краю виднелась небольшая вмятина.

Он перевернул предмет кончиком ножа.

На другой стороне были две точки.

Ничего больше.

Ни имени.

Ни герба.

Ни даты.

— Где нашли?

— В снегу возле тела. Не в руке. Не в кармане. Примерно в двух шагах.

— Значит, он мог принадлежать кому угодно.

— Да.

— Архарову?

— Не знаю.

— Убийце?

— Возможно.

— Возчику, который проехал там неделю назад?

— Тоже возможно.

Ратников выпрямился.

— Тогда пока это просто кусок меди.

— Но вы его видели.

Ратников посмотрел на Корсакова.

— Я сказал, что не знаю.

— А я сказал, что вы его видели.

Несколько секунд они молчали.

Степан вошёл за кофейником.

Почувствовал тишину.

Посмотрел на медный предмет.

— Ещё кофе?

— Нет, — сказал Ратников.

Степан перевёл взгляд на него.

— Вы куда-то собираетесь.

— Почему?

— Вы всегда говорите «нет» таким голосом, когда собираетесь.

Ратников встал.

— Тёплое пальто.

— То самое, которое вы вчера называли слишком тяжёлым?

— Сегодня оно стало легче.

— Сапоги?

— Да.

— Пистолет?

Ратников задержался.

— Нет.

Степан посмотрел на Корсакова.

Потом снова на хозяина.

— Хорошо.

Он вышел.

Корсаков спросил:

— Вы едете?

— Я посмотрю место.

— Это уже больше, чем я просил.

— Не обольщайтесь. Я ещё ничего не расследую.

— Разумеется.

— И если эти три буквы не имеют ко мне отношения, я вернусь домой.

— Разумеется.

— И если медная штука ничего не значит — тоже.

— Конечно.

Ратников посмотрел на него.

— Вы ужасно легко соглашаетесь.

— Я уже получил то, зачем приехал.

Ратников взял медный предмет.

На этот раз пальцами.

Металл оказался неожиданно тяжёлым для своего размера. Он перевернул его, снова увидел две точки, затем перечёркнутую римскую двойку.

— Что? — спросил Корсаков.

— Ничего.

— Вы уже второй раз говорите «ничего» и оба раза смотрите на эту вещь так, будто она вам что-то должна.

Ратников положил предмет на стол.

— Бывает неприятное состояние: знаешь, что видел вещь раньше, но не можешь вспомнить где.

— С вами часто такое случается?

— После пятидесяти я стараюсь не вести счёт.

Корсаков указал на медную пластинку.

— Значит, всё-таки видели?

— Я сказал другое. Она мне знакома.

— Разница?

— Огромная. Если я видел именно этот знак — это факт. Если мне кажется, что я видел что-то похожее, — это пока только раздражение.

Он снова посмотрел на перечёркнутую двойку.

В памяти ничего не возникло.

Он не помнил ни лица, ни места, ни самого события — только странную уверенность, что этот простой рисунок, две вертикальные черты, пересечённые третьей, когда-то уже задержал его взгляд. Возможно, знак попадался на бумаге, оружейном ящике, печати или какой-нибудь вещи, которую он держал в руках тридцать секунд двадцать лет назад и больше никогда не видел.

Память особенно охотно обманывала человека именно тогда, когда он слишком сильно хотел вспомнить.

Ратников знал это и потому перестал пытаться.

— Берите, — сказал Корсаков.

— Зачем?

— Может быть, вспомните.

— А если потеряю?

— Тогда у меня появится ещё одно дело.

Ратников завернул медную пластинку в бумагу и убрал во внутренний карман.

Туда же, где лежало письмо Елизаветы.

Из передней донёсся голос Степана:

— Александр Сергеевич!

— Что?

— Тёплые сапоги готовы.

— Видите? — сказал Ратников. — Обратного пути уже нет.

Он направился к двери, но возле порога остановился.

Не обернулся.

— Павел Андреевич.

— Да?

— Вы сказали, что Архаров лежал возле старой дороги за Выборгской стороной?

— Да.

— В каком именно месте?

Корсаков назвал его.

Ратников нахмурился.

Место ему тоже показалось знакомым.

Но Петербург был окружён десятками похожих дорог, рощ, пустырей и загородных домов. За тридцать лет он бывал возле многих из них.

Он ничего не сказал.

Только надел пальто.

В кармане лежали две вещи.

Письмо женщины, которой он снова собирался ответить потом.

И кусок меди со знаком, который когда-то уже видел, но пока не мог вспомнить где.

ГЛАВА II. СНЕГ НЕ ЛЖЁТ

За Выборгской стороной снег был чище.

В городе его быстро превращали в серую кашу колёса, полозья, сапоги и сотни лошадиных копыт. Здесь он лежал между деревьями почти нетронутым, белым, с лёгкой голубизной в тенях.

Было около полудня. Низкое ноябрьское солнце временами проступало сквозь облака, но света от него почти не прибавлялось. Мороз держался слабый, снег под ногами не хрустел, а тяжело оседал.

Карета остановилась у обочины.

Ратников вышел первым и сразу поднял руку.

— Не сюда.

Корсаков, собиравшийся спрыгнуть следом, замер.

— Что?

— Вы наступите на след.

Корсаков посмотрел вниз.

— Здесь всё в следах.

— Именно поэтому не стоит добавлять ещё один.

Корсаков выбрался с другой стороны и прошёл по уже утоптанному краю дороги.

Ратников несколько минут ничего не говорил.

Старая дорога тянулась между редкими деревьями, делала плавный изгиб и уходила к низкому перелеску. Справа стоял заброшенный сарай с провалившейся частью крыши. Слева земля опускалась к неглубокой канаве, за которой густо росли кусты.

Тело Архарова увезли утром.

На снегу осталось большое бурое пятно.

Несколько тонких палочек отмечали положение тела, пистолета и следов, которые сочли важными.

Возле них стоял молодой офицер.

Заметив Корсакова, он направился навстречу, тщательно ступая по уже протоптанной дорожке.

Высокий, худощавый, лет двадцати пяти. Лицо ещё слишком молодое для той серьёзности, которую он старался на нём удерживать.

— Павел Андреевич.

— Артемий Николаевич. Познакомьтесь. Александр Сергеевич Ратников.

Молодой человек заметно оживился.

— Тот самый?

Ратников посмотрел на Корсакова.

— Боюсь спросить, какой именно.

Офицер смутился.

— Простите. Артемий Николаевич Бестужев. Я слышал о ваших...

Он запнулся.

— Подвигах? — подсказал Ратников.

— Поединках.

— Значительно хуже.

Корсаков указал на место.

— Артемий Николаевич приехал одним из первых. Я попросил его сохранить всё, что ещё можно сохранить.

— Тело пришлось увезти, — сказал Бестужев. — Пистолет подняли до моего приезда. Возчик показал, где он лежал.

— Кто нашёл Архарова?

— Тот же возчик. Ехал в город около шести утра. Увидел человека на снегу.

— Один?

— С двумя работниками.

— Они подходили к телу?

— Конечно. Потом квартальный надзиратель с помощником, врач, люди, переносившие тело. Я приехал после восьми.

Ратников посмотрел на истоптанный снег.

— Значит, убийцы закончили ночью, а утром им немного помогли.

Бестужев нахмурился.

— Я старался никого лишнего сюда не пускать.

— И правильно. Это не упрёк. Просто будем помнить, что не каждый след принадлежит тому, кого мы ищем.

Он направился к пятну.

— Покажите, как лежал Архаров.

Бестужев указал на палочки.

— Голова здесь. Ноги туда. На правом боку, почти лицом вниз.

— Правая рука?

— Вытянута.

— Надпись?

Бестужев показал на бурый след возле руки.

От букв почти ничего не осталось.

— Я видел её до того, как тело увезли. Три буквы: «РАТ». Последняя была не очень ясной, но, думаю, именно «Т».

— Чем писал?

— Пальцем. На правой руке была кровь. От пальца к буквам шла борозда.

Ратников присел.

Он слишком хорошо знал Петра Николаевича, чтобы смотреть на это место спокойно.

Архаров несколько раз стоял рядом с ним на поединках. Дважды сумел не допустить их вовсе, чем молодой Ратников был тогда крайне недоволен и за что много позже оказался ему благодарен.

Пятнадцать лет назад именно Архаров стоял в нескольких шагах, когда Ратников стрелял в Григория Вяземцева.

Теперь от старого друга остались пятно на снегу и три буквы.

— Значит, скорее всего, писал сам, — сказал он.

Бестужев помолчал.

— Вашу фамилию?

— Возможно.

— Что ещё может начинаться на «Рат»?

— Не знаю.

— Тогда почему...

— Потому что удобный ответ не обязательно правильный.

Бестужев кивнул.

Ратников подошёл к следующей палочке.

— Пистолет лежал здесь?

— Да.

— Стреляли из него?

— Недавно. Когда его нашли, запах ещё чувствовался.

— Второе оружие?

— Не нашли.

Два глубоких отпечатка находились почти точно напротив места, где лежал Архаров.

— Из-за этого решили, что была дуэль? — спросил Ратников.

— И расстояние подходящее, — ответил Бестужев. — Почти двадцать шагов.

Ратников пересчитал.

— Почти.

Он указал на место рядом с отпечатками.

— Встаньте сюда. Только не в сами следы.

Бестужев подчинился.

— Теперь представьте, что перед вами человек с заряженным пистолетом. Через несколько секунд он будет стрелять.

— Представил.

— Стойте.

Прошло несколько секунд.

Бестужев чуть развернул корпус и незаметно перенёс вес на заднюю ногу.

Ратников указал тростью вниз.

— Уже.

Молодой офицер посмотрел на собственные следы.

Один стал глубже у носка, другой — у пятки. Снег возле подошв сдвинулся.

Ратников показал на старые отпечатки.

— А этот человек просто поставил ноги. Почти одинаковое давление. Никакого ожидания выстрела.

— Значит, не дуэлянт?

— Эти следы оставлены не так, как обычно стоит человек, которому сейчас могут прострелить грудь.

Корсаков спросил:

— Их сделали нарочно?

— Очень похоже.

— Чтобы изобразить поединок?

— Двадцать шагов, пистолет и мёртвый дворянин. Большинство людей сами доделают остальное.

Ратников вернулся к пятну крови.

— Откуда пришёл Архаров?

Бестужев показал одиночную цепочку следов от дороги.

— Размер сапога соответствует.

— Обратных нет?

— Нет.

Дальше следы смешивались.

Возле пятна проходила ещё одна цепочка, более крупная. Она подходила не от дороги, а со стороны кустов.

Ратников проследил её.

— Здесь был ещё один человек.

— Кроме того, кто стоял напротив?

— Да.

— Получается, минимум двое.

— Именно.

Следы второго уходили к кустам и внезапно обрывались.

Бестужев сказал:

— Вот этого утром никто не понял.

Ратников отвёл тростью низкую ветку.

Под снегом показался край старой доски.

Он очистил его.

За первой лежала вторая.

Потом третья.

Узкая деревянная дорожка уходила под кусты вдоль канавы.

— Вот куда он исчез, — сказал Бестужев.

— Не исчез. Перестал наступать на снег.

На старом дереве виднелась свежая светлая царапина. Выше на ветке зацепилась короткая шерстяная нить.

Бестужев протянул руку.

— Не трогайте.

— Думаете, от одежды?

— Думаю, что она никуда от нас не убежит.

Дорожка выводила к заброшенному сараю.

За ним снег был исполосован полозьями и копытами.

— Сани, — сказал Бестужев.

— Здесь ими пользуются многие. Пока это просто следы саней.

Внутри сарая пахло сыростью и старой соломой.

Через провал в крыше падал бледный свет.

В дальнем углу лежал огарок свечи.

Ратников присел.

Фитиль был обгоревшим, на воске сохранился свежий наплыв.

— Здесь были недавно.

— Ждали Архарова?

— Скорее всего.

Они вернулись к месту убийства.

Теперь оставался выстрел.

Пулю обнаружил Бестужев в молодой берёзе.

— Александр Сергеевич!

В коре виднелась свежая выбоина. Внутри застрял деформированный свинец.

Ратников подошёл.

— Не вытаскивайте.

Он посмотрел на берёзу, затем на место, где нашли пистолет.

Дерево находилось заметно в стороне от человека, изображавшего противника.

— Архаров стрелял не туда, — сказал Корсаков.

— Именно.

Ратников встал на место погибшего.

— Артемий Николаевич, становитесь напротив.

Бестужев занял позицию.

— Павел Андреевич, подойдите сзади.

Корсаков сделал несколько шагов.

Ратников резко повернулся на звук.

Поднятая правая рука ушла примерно к берёзе.

Бестужев сразу понял.

— Он стрелял во второго человека.

— Или в его сторону.

— Значит, тот, кто стоял напротив, был приманкой.

— Да.

Теперь картина становилась проще. Архаров приехал один, а ждали его по меньшей мере двое: один изображал противника, второй держался сбоку или сзади. Архаров заметил опасность, повернулся и выстрелил, но промахнулся. После этого его смертельно ранили ножом, а один из участников ушёл через заранее подготовленный проход.

Возле тела несколько раз прошлись одним и тем же сапогом, портя первоначальные следы.

— Всё это можно было сделать намного проще, — сказал Корсаков.

— Вот именно.

Ратников указал на дорогу.

— Архарова можно было убить по пути.

На сарай:

— Здесь.

На кусты:

— Там.

Потом на два глубоких отпечатка.

— Но кому-то понадобились двадцать шагов, пистолет и противник, который исчезает.

Бестужев сказал:

— Представление.

— Да.

Ратников повернулся к Корсакову.

— А теперь покажите письмо.

Корсаков слегка поднял брови.

— Откуда вы...

— Вы не привезли бы меня сюда только из-за двух следов и пистолета. Архарова сюда чем-то заманили.

Корсаков достал из внутреннего кармана сложенный лист.

— Я хотел, чтобы вы сначала увидели место, не зная текста.

— Правильно.

Ратников взял письмо.

Бумага была сложена так, что сама служила оболочкой. Остатки красного сургуча сохранились на краях.

Личной печати не было.

На наружной стороне рукой было выведено:

«Петру Николаевичу Архарову. В собственные руки».

Ратников развернул лист.

«Пётр Николаевич.

Вы должны мне один выстрел.

На этот раз не просите меня опустить руку.

Завтра, в одиннадцать часов вечера.

Старая дорога за Выборгской стороной.

Н. Беклемишев».

Ратников задержал взгляд на второй строке.

Корсаков заметил.

— Что?

— Где нашли?

— Во внутреннем кармане Архарова.

— Кто доставил?

— Мальчишка-посыльный.

Ратников поднял глаза.

— Его нашли?

— Пока нет.

— Кто видел?

— Человек Архарова. Открыл дверь, принял письмо. Мальчишка сказал, что велено передать хозяину лично, и отказался уходить, пока не услышал, что письмо действительно понесли Архарову.

— Как выглядел?

— Лет четырнадцать или пятнадцать. Тёмная куртка, старая шапка. Ничего примечательного.

— Когда?

— Позавчера вечером. Около семи.

Значит, двадцать первого ноября.

Архаров получил письмо за сутки до смерти.

— Мальчишка назвал отправителя?

— Сказал, что какой-то господин дал ему деньги на улице.

— Где?

— Этого слуга не спросил.

Ратников протянул письмо Бестужеву.

— Начните с дома Архарова.

— Я уже говорил со слугой.

— Поговорите ещё раз. Пусть вспомнит всё, что мальчишка сказал сам: откуда пришёл, торопился ли, ждал ли кого-нибудь на улице, сколько получил, куда ушёл. Потом ищите его.

Бестужев посмотрел на Ратникова.

— В Петербурге?

— Нет, Артемий Николаевич. На Луне.

Корсаков отвернулся.

Бестужев невозмутимо спросил:

— А если на Луне не окажется?

Ратников посмотрел на него.

— Вы мне определённо нравитесь.

Молодой офицер снова посмотрел на письмо.

— Беклемишев. Вы его знали?

— Немного.

— Он жив?

— Нет. Умер девять лет назад.

— Архаров убил его на дуэли?

— Ранил. Беклемишев прожил несколько дней.

Бестужев прочитал:

— «На этот раз не просите меня опустить руку». Что это значит?

Ратников не ответил сразу.

— Значит, человек, написавший письмо, знает больше, чем должен.

Корсаков приблизился.

— Вы знаете эту историю?

— Знаю.

— Расскажите.

Ратников взял письмо обратно.

— Перед первым выстрелом Беклемишев поднял пистолет раньше условленного. Секунданты ещё не успели отойти. Архаров потребовал, чтобы он опустил руку.

— И?

— Беклемишев опустил.

— Об этом знали?

— Дуэлянты. Секунданты. Возможно, кто-то из присутствовавших слуг, хотя я не уверен.

Бестужев спросил:

— Это где-нибудь записывали?

— Зачем?

— Протокол.

Ратников посмотрел на него.

— Артемий Николаевич, люди, которые нарушают закон, редко составляют подробный протокол о том, как именно они его нарушили.

— Значит, фраза предназначалась для Архарова.

— Именно.

— Чтобы он поверил, что письмо от Беклемишева?

— Нет.

Бестужев удивился.

— Почему?

— Потому что Архаров не верил в мертвецов.

Ратников сложил письмо.

— Фраза должна была убедить его в другом: человек, назначивший встречу, каким-то образом знает обстоятельство старого поединка, которое почти никому не известно.

Корсаков сказал:

— Поэтому Архаров приехал.

— Да. Не драться с покойником. Выяснить, кто получил доступ к его прошлому.

И тут Ратников вспомнил утренний разговор.

Предупреждение и три буквы на снегу означали, что перед смертью Архаров явно что-то понял.

Но пока между этими вещами не хватало звена.

— Почерк? — спросил Ратников.

Корсаков кивнул.

— Слуга Архарова видел старые письма Беклемишева. Говорит, похож.

— «Похож» меня устраивает.

— Не хотите сравнить?

— Хочу. Но позже. Если человек изображал Беклемишева на месте встречи, вполне естественно, что письмо тоже готовили под него.

— Подделка?

— Скорее всего.

— Хорошая?

— Достаточная. Архаров всё равно знал, что Беклемишев мёртв. Автору не требовалось убеждать его в воскресении. Нужно было заставить приехать.

Ратников снова посмотрел на подпись.

«Н. Беклемишев».

Кто-то использовал покойника как роль, воспроизводя не только лицо, но и почерк, слова, даже чужую память о старой дуэли.

— Значит, напротив Архарова стоял человек, изображавший Беклемишева, — сказал Бестужев.

— Это лучше всего объясняет следы.

— А потом ушёл по доскам.

— Да.

— Всё человеческое.

— Пока.

Корсаков спрятал письмо.

— Вас это радует?

— Живого человека можно найти. Особенно если он привык получать деньги.

Они направились к дороге.

Ратников больше не возвращался к месту убийства.

Снег уже рассказал достаточно.

Теперь расследование уходило от места преступления к людям.

Нужно было найти мальчишку, доставившего письмо.

Установить, кто передал ему лист.

Выяснить, откуда неизвестные узнали закрытую подробность поединка Архарова и Беклемишева.

И понять, кто мог подготовить человека, способного несколько минут изображать покойника перед тем, кто знал его лично.

Возле кареты Бестужев сказал:

— Остался жетон.

Корсаков передал Ратникову бумажный свёрток.

Небольшой медный кружок лёг на ладонь.

На одной стороне была римская цифра II, перечёркнутая тонкой горизонтальной линией.

На другой — две точки.

— Где нашли?

— Примерно в двух шагах от тела, — сказал Бестужев. — На поверхности снега.

— Не под Архаровым?

— Нет.

— Не в руке?

— Нет.

Ратников повертел жетон.

— Монета? — спросил Бестужев.

— Нет.

— Полковой знак?

Корсаков покачал головой.

— Не знаю такого.

— Масонский?

Ратников вернул жетон на ладонь.

— Если начнём с масонов, до весны будем составлять список.

Знак снова вызвал неприятное чувство узнавания — ещё не воспоминание, только его тень.

Ратников не стал заставлять память.

Слишком настойчиво вспоминающий человек вскоре начинает помнить то, чего никогда не было.

Они уже собирались садиться в карету, когда Бестужев оглянулся.

— Всё равно место выбрали странно.

Ратников задержал руку на дверце.

— Почему?

— Если хотели изобразить дуэль, дальше есть поляна удобнее. Здесь кусты, канава, поворот. Двадцать шагов едва помещаются.

Ратников посмотрел туда.

Кусты, низина, три дерева, изгиб дороги — всё это почему-то тревожило память.

Что-то едва заметно дрогнуло в памяти.

Он отошёл от кареты.

— Александр Сергеевич? — позвал Корсаков.

Ратников поднял руку.

На мгновение белый снег исчез.

Под ногами была тёмная промёрзшая земля.

Грязь.

Холодный ветер.

Архаров рядом — на пятнадцать лет моложе.

И его раздражённый голос:

«Третье декабря. Прекрасное время умирать из-за двух фраз, которые к Рождеству никто не вспомнит».

Ратников остановился.

Третье декабря 1772 года.

— Артемий Николаевич.

Бестужев подошёл.

— Да?

— Дорога всегда проходила здесь?

— Нет. Раньше шла западнее. Потом расширили канаву и отвели.

— Насколько западнее?

Бестужев показал направление.

Ратников прошёл туда.

Пятнадцать лет изменили место.

Одни деревья выросли.

Другие исчезли.

Кустарник разросся.

Но низина оставалась.

Старый изгиб дороги угадывался.

Теперь он понял, почему место беспокоило его с самого приезда.

— Здесь была моя последняя дуэль.

Корсаков подошёл ближе.

— С Вяземцевым?

— Да.

— Когда?

— Третьего декабря семьдесят второго.

Корсаков посмотрел на него.

— Сегодня двадцать третье ноября. Через десять дней будет ровно пятнадцать лет.

— Будет.

— И вас это не тревожит?

Ратников посмотрел на старую дорогу.

— Меня тревожат люди, Павел Андреевич. Календарь пока никого не убил.

— Кто был вашим секундантом?

Ответ они знали оба.

— Архаров.

Ратников снова достал жетон.

Теперь у смутного чувства появилось место.

Он позволил памяти вернуться к тому утру.

Вяземцев стоял напротив.

Молодые люди всегда кажутся себе взрослыми, пока не проживут достаточно долго, чтобы увидеть собственную молодость со стороны.

Тридцатисемилетний Ратников тогда был совершенно уверен, что честь можно измерить расстоянием между двумя пистолетами.

Вяземцев стрелял первым и промахнулся. Ратников поднял руку и выстрелил; Григорий отшатнулся и упал.

Архаров первым побежал к нему.

Кто-то закричал:

— Врача!

Потом появились люди — слишком быстро, как теперь понимал Ратников. Тогда он почти не обратил на них внимания: смотрел на Вяземцева, на кровь, на врача, опустившегося рядом, пока Архаров с кем-то спорил.

Один из чужих мужчин стоял немного в стороне.

Лица Ратников не помнил.

Одежды тоже.

Осталась только рука.

И небольшой металлический предмет.

На нём — две вертикальные черты, пересечённые тонкой горизонтальной линией.

Ратников посмотрел на жетон.

— Я видел похожий знак.

Корсаков перестал улыбаться.

— Когда?

— После дуэли с Вяземцевым.

— На чём?

— На металлической вещи в руке одного из людей, появившихся возле него после выстрела.

— Кто этот человек?

— Не помню.

— Был с Вяземцевым?

— Не знаю.

Бестужев указал на оборот жетона.

— Две точки тоже были?

— Их не помню.

— Тогда это мог быть другой знак.

— Мог. Но перечёркнутую двойку я видел.

Корсаков некоторое время молчал.

— Архаров был вашим секундантом.

— Да.

— Его убивают неподалёку от места той дуэли.

— Да.

— Перед смертью он пишет «РАТ».

Ратников ничего не ответил.

— И возле него находят знак, который вы уже видели в семьдесят втором.

— Похожий знак.

Бестужев спросил:

— Разве этого недостаточно?

— Для чего?

— Чтобы считать убийство связанным с вашей дуэлью.

Ратников посмотрел на него.

— Сегодня нам уже показали одну дуэль, которой не было. Покойника, которого здесь не было. Исчезновение, которого не было.

Он убрал жетон.

— Поэтому я пока скажу только одно: кто-то намеренно связал смерть Архарова с событиями семьдесят второго года.

— Разве это не одно и то же?

— Нет. Старая дуэль может быть причиной происходящего. А может быть направлением, в которое меня хотят заставить смотреть.

Корсаков спросил:

— С чего начнёте?

— С того, что можно проверить сегодня.

Ратников загнул палец.

— Мальчишка, доставивший письмо.

Второй.

— Человек, нанявший мальчишку.

Третий.

— Источник подробности о поднятом пистолете Беклемишева.

Потом коснулся кармана с жетоном.

— И тот, кто знает этот знак.

Бестужев спросил:

— У вас есть кто-нибудь?

— Фридрих Шульц.

— Оружейник?

— Да.

— Почему он?

— Потому что тридцать лет чинит оружие людям, которые предпочитают не объяснять, зачем оно им понадобилось.

— Он знает тайные общества?

— Если знает, сегодня постарается убедить нас в обратном.

Бестужев открыл дверцу.

— Он и ваши пистолеты чинил?

Ратников посмотрел на него.

— Артемий Николаевич, у вас удивительный талант задавать вопросы, способные повредить моей репутации.

Бестужев выдержал паузу.

— Я думал, она уже повреждена.

Корсаков кашлянул, скрывая улыбку.

Ратников посмотрел на молодого офицера внимательнее.

— Вы мне начинаете нравиться.

Они сели в карету.

Кучер тронул лошадей.

Было немногим больше часа пополудни. До мастерской Шульца можно было добраться ещё засветло.

Ратников оглянулся через стекло.

Старая дорога медленно исчезала за деревьями.

Всё случившееся ночью пока имело человеческое объяснение.

Письмо от мертвеца написал живой человек.

Покойного Беклемишева мог изобразить живой человек.

Исчезновение обеспечивали три доски под кустами.

Закрытую подробность старого поединка кто-то мог узнать и передать.

Даже три кровавые буквы ещё не доказывали, что Архаров пытался написать именно его фамилию.

Но перечёркнутая двойка появилась здесь не впервые.

Ратников видел её почти пятнадцать лет назад — после выстрела в Григория Вяземцева.

— К Шульцу? — спросил Корсаков.

— К Шульцу.

Карета набрала ход.

Вчера убили человека, который был секундантом Ратникова в его последнем поединке.

Возле тела оставили знак, уже появлявшийся тогда.

Этого было недостаточно для ответа.

Но достаточно для вопроса.

Почему кому-то понадобилась последняя дуэль Александра Ратникова?

ГЛАВА III. ОРУЖЕЙНИК

К мастерской Фридриха Шульца они добрались без четверти три.

Свет уже начинал убывать.

В конце ноября Петербург словно торопился избавиться от дня. Небо висело низко, снег на улицах давно потерял загородную белизну, а возле перекрёстков был перемешан с навозом, соломой и грязью. Ещё немного — и город окончательно перейдёт во власть фонарей, освещённых окон и ранних зимних сумерек.

Карета остановилась неподалёку от мастерской.

Ратников первым увидел знакомую вывеску.

На ней по-прежнему был изображён пистолет. Когда-то золотой, теперь он облупился и приобрёл цвет старой бронзы.

— Давно здесь не были? — спросил Корсаков.

— Лет семь.

— Почему перестали?

— Перестал стреляться.

Бестужев, выходявший следом, заметил:

— Одно из другого следует не всегда.

— В моём случае последовало.

Ратников толкнул дверь.

Над головой звякнул колокольчик.

Внутри пахло оружейным маслом, угольным дымом, железом и чем-то кислым. Вдоль стен висели стволы, замки, шомпола, охотничьи ружья. За стеклом лежали кремни, отвёртки, пулелейки и несколько дорогих пистолетов в открытых футлярах.

Из глубины мастерской доносился размеренный металлический стук.

— Закрыто! — крикнули оттуда.

— Вывеска утверждает обратное, — ответил Ратников.

Стук прекратился.

Через несколько секунд появился Фридрих Шульц.

За семь лет он изменился меньше собственной вывески.

Невысокий, плотный, с тяжёлыми плечами и седыми волосами, зачёсанными назад. На переносице сидели круглые очки. Кожаный передник был покрыт тёмными пятнами.

Шульц посмотрел на Ратникова, снял очки, протёр их краем передника и снова надел.

— Александр Сергеевич.

— Фридрих Карлович.

— Я слышал, вы больше не стреляете в людей.

— Люди иногда принимают разумные решения.

— Вы?

— Не увлекайтесь.

Шульц усмехнулся.

Потом заметил Корсакова и Бестужева.

Улыбка исчезла.

— Что случилось?

— Почему непременно случилось?

— Потому что вы семь лет не приходили, а теперь явились втроём.

— Может быть, соскучился.

— Вы никогда по мне не скучали.

— Вот видите, как хорошо вы меня знаете.

Шульц вытер руки.

— Если хотите купить пистолеты, у меня есть прекрасная пара.

— Не хочу.

— Починить?

— Тоже нет.

— Тогда действительно случилось.

Ратников достал бумажный свёрток.

Развернул и положил на прилавок медный жетон.

Шульц посмотрел.

Всего мгновение.

Но этого хватило.

Правая рука оружейника, лежавшая на краю прилавка, чуть сжалась.

Ратников увидел.

Шульц поднял глаза.

— Что это?

— Именно это я хотел спросить.

— Почему у меня?

— Вы работаете с металлом.

— Половина Петербурга работает с металлом.

— Но половина Петербурга не узнаёт эту вещь с первого взгляда.

Шульц нахмурился.

— А я узнал?

— Только что.

— С чего вы взяли?

— Вы перестали дышать.

— Глупости.

— Возможно. Тогда покажите ещё раз, как вы её не знаете.

Шульц посмотрел на Корсакова.

— Павел Андреевич, это официальный разговор?

— Пока мы только задаём вопросы.

— А я обязан отвечать?

Корсаков спокойно сказал:

— Пока я рассчитываю, что вы захотите.

— А если не захочу?

— Тогда придётся решать иначе.

Шульц недовольно дёрнул щекой.

— Очень удобное положение.

— Для нас — чрезвычайно, — сказал Ратников.

Он подтолкнул жетон пальцем.

— Что означает знак?

— Не знаю.

— Фридрих Карлович.

— Александр Сергеевич.

— Мы знакомы давно. Поэтому я дам вам возможность солгать ещё один раз. Потом начну обижаться.

— Вы пришли ко мне в мастерскую и разговариваете так, будто она ваша.

— Если бы была моя, я бы сменил вывеску.

Шульц посмотрел на Бестужева.

— А этот молодой человек зачем?

— Чтобы я вёл себя прилично.

Бестужев серьёзно кивнул.

— Пока получается.

Шульц снова посмотрел на жетон.

Молчание затянулось.

— Второй Счёт, — наконец сказал он.

Ратников не шевельнулся.

— Что?

— Так называли этих людей.

— Каких?

— Клиентов.

— Каких клиентов?

— Старых.

— Насколько старых?

Шульц раздражённо махнул рукой.

— Двадцать лет. Может быть, больше.

— Вы работаете на них двадцать лет?

— Я сказал, что знаю обозначение двадцать лет. Это не одно и то же.

— Уже лучше. Кто они?

— Люди, которым требовалось оружие.

— Обычно к оружейнику приходят именно такие.

— Тогда зачем спрашиваете?

Ратников взял жетон.

— Потому что обычные клиенты редко придумывают себе название.

— Это не название.

— Вы только что сказали: «Второй Счёт».

— Обозначение.

— Чего?

Шульц отвернулся.

Подошёл к рабочему столу и начал перекладывать инструменты, хотя ни один из них не мешал.

— Иногда заказчик не хотел оставлять фамилию.

— И вместо фамилии писал «Второй Счёт»?

— Иногда.

— Один человек?

— Разные.

— Вы их знали?

— Некоторых.

— Назовите.

Шульц резко повернулся.

— Нет.

— Почему?

— Потому что мастер, который называет клиентов, скоро остаётся без клиентов.

— А мастер, который скрывает сведения об убийстве, может остаться без мастерской.

Шульц медленно положил напильник.

— Об убийстве?

— Петра Николаевича Архарова.

На лице оружейника впервые появилось настоящее удивление.

— Архарова?

— Его убили прошлой ночью за Выборгской стороной.

— Я не знал.

Ратников наблюдал за ним.

Удивление выглядело настоящим, страх — тоже. Только страх появился раньше, ещё при виде жетона.

— Верю, — сказал Ратников.

Шульц подозрительно посмотрел на него.

— Вот так просто?

— Что именно?

— Верите.

— Что вы не знали об убийстве — да.

— А остальное?

— Остальное вы пока рассказываете плохо.

Шульц прошёл к окну.

За мутным стеклом двигались тёмные фигуры прохожих.

— Второй Счёт — старое обозначение группы клиентов. Ничего больше.

— Для чего им оружие?

— Для стрельбы.

— Вы сегодня особенно содержательны.

— Пистолеты. Футляры. Замки. Иногда переделка спуска. Иногда гравировка.

— Дуэльные пистолеты?

Шульц помедлил.

— Бывали.

— Часто?

— Я не считал.

— А они, судя по названию, считали.

Шульц не улыбнулся.

Ратников снова положил жетон перед ним.

— Вы такие делали?

— Нет. Но видел: их приносили вместе с заказами, как подтверждение, что заказ пришёл от определённых людей.

— От Второго Счёта?

Шульц помолчал, прежде чем ответить:

— Да.

— Значит, это не просто условная запись в вашей книге.

— Я этого не говорил.

— Не понадобилось.

Шульц отвернулся.

И опять посмотрел на узкую дверь за прилавком.

Ратников заметил это ещё раньше.

Теперь убедился.

— Что там?

— Задняя комната.

— Покажите.

Шульц сразу шагнул к двери.

— Нет.

— Почему?

— Потому что это моя мастерская.

— Там книги заказов?

Шульц промолчал.

— Значит, книги.

— Александр Сергеевич, хватит.

— Пока только начинаю.

— Нет. В моих комнатах вы распоряжаться не будете.

Шульц посмотрел на Корсакова.

— Хотите искать — зовите квартального.

Корсаков хотел что-то сказать, но Ратников опередил:

— Хорошо.

Шульц явно не ожидал.

— Что?

— Позовём.

Ратников завернул жетон.

— Павел Андреевич?

Корсаков понял его взгляд.

— Артемий Николаевич, вы знаете, где здесь кварталный?

— Недалеко. Мы проезжали.

— Съездите.

Бестужев направился к выходу.

Шульц посмотрел на Ратникова.

— А вы?

— А мы тоже уйдём.

— Почему?

— Вы только что этого хотели.

— Я сказал...

— Я прекрасно слышал, что вы сказали.

Ратников надел перчатки.

Уже у двери остановился.

— Фридрих Карлович.

— Что ещё?

— Пока Артемий Николаевич ездит за кварталным, постарайтесь ничего не сжечь.

Шульц побледнел.

Совсем немного.

— Что?

— Бумага дорогая.

Ратников открыл дверь.

— И ваша печь дымит.

Они вышли.

На улице Корсаков спросил:

— Вы уверены?

— В чём?

— Что он начнёт жечь бумаги.

— Нет.

— Тогда зачем сказали?

— Теперь узнаем.

Они отошли к противоположной стороне улицы.

Свет быстро уходил. Лавочник напротив уже собирал товар. В нескольких окнах зажглись свечи.

— Если он ничего не сделает? — спросил Корсаков.

— Вернёмся с квартальным и посмотрим комнату.

— А если сделает?

— Значит, сам объяснит нам, где лежит самое интересное.

— Вы ему помогли.

— Только советом.

— Именно этого я и опасаюсь.

Прошло несколько минут.

Из трубы мастерской повалил густой дым.

Ратников посмотрел вверх.

— Вот теперь интереснее.

— Может, просто подбросил угля.

— Может.

Они подошли ближе.

Через дверь уже чувствовался запах горелой бумаги.

Корсаков постучал.

— Шульц!

Ответа не было.

Ударил сильнее.

— Фридрих Карлович!

Тишина.

Ратников прислушался.

В глубине что-то стукнуло.

— Он там.

— Ломать?

Ратников покачал головой.

— Сам потребовал квартального. Подождём человека, которого так хотел увидеть.

Ждать пришлось недолго.

Из-за угла показался Бестужев.

С ним шли двое.

Первым — плотный мужчина лет пятидесяти в форменном кафтане и треугольной шляпе, за ним городской служитель.

— Квартальный надзиратель Савелий Петрович Рогов, — представил Бестужев.

Рогов коротко поклонился.

— Где хозяин?

Корсаков показал на дверь.

— Внутри. Заперся. Пахнет горячей бумагой.

Рогов подошёл.

Постучал рукоятью трости.

— Фридрих Карлович Шульц! Квартальный надзиратель Рогов. Отворите!

Тишина.

Он постучал снова.

— Шульц! Отворите дверь!

Изнутри донёсся приглушённый удар.

Рогов принялся.

— Бумага.

Он снова повернулся к двери.

— Фридрих Карлович! Последний раз требую открыть!

Ответа не последовало.

Надзиратель отступил.

— Ломайте.

Бестужев и городской служитель навалились на дверь.

С первого удара замок выдержал, со второго дерево треснуло и дверь распахнулась. Мастерская оказалась пустой; дым тянулся из задней комнаты.

Рогов вошёл первым.

— Никому ничего не трогать.

Они прошли следом.

Шульц сидел перед железной печью на корточках.

В руках держал толстую книгу.

Увидев людей, он рванул несколько страниц и бросил их в огонь.

— Стой! — крикнул Рогов.

Шульц захлопнул дверцу.

Ратников оказался рядом раньше городского служителя.

Схватил кочергу.

Распахнул дверцу.

Жар ударил в лицо.

Бумага уже чернела и скручивалась.

— Воды!

Бестужев схватил ведро.

— Не в печь!

Ратников кочергой вытащил горящие листы на каменный пол.

Бестужев плеснул немного воды.

Поднялся пар.

Запахло мокрой золой.

Рогов вырвал оставшуюся книгу из рук Шульца.

— Вы что делаете?

Оружейник тяжело дышал.

— Это мои записи.

— Теперь разберёмся.

Рогов передал книгу своему служителю.

— Держи. Не раскрывай.

Повернулся к Бестужеву:

— Запишите: книга взята у хозяина в задней комнате возле печи. Несколько листов вырваны им при нас и брошены в огонь.

Бестужев достал бумагу.

Ратников присел возле обугленных страниц.

— Можно?

Рогов посмотрел на Корсакова.

Тот сказал:

— Именно из-за этих записей мы сюда и пришли.

— Смотрите. Только с места не уносите.

Большая часть верхних листов превратилась в чёрные лоскуты.

Середина пачки уцелела.

Ратников осторожно разделил мокрую бумагу.

Чернила местами расплылись.

На одном листе сохранилось несколько фамилий.

На другом — даты и суммы.

Третий обгорел по краям, но середина читалась.

«...латунная трубка длиной...

...спуск посредством тонкой тяги...

...без прикосновения к замку...

...пружина усиленная...

Заказ В. С.

Без имени.

Оплачено».

Ниже стояла дата.

Пять лет назад.

— Фридрих Карлович, — сказал Ратников.

Шульц молчал.

— Что это?

— Старый заказ.

— Это я вижу.

— Механизм.

— Для чего?

Шульц вытер лицо ладонью.

— Не знаю.

— Вы его изготовили.

— Изготовил части.

— Какие?

— Трубку. Тягу. Пружину.

— Кто заказал?

— Не помню.

Ратников посмотрел на него.

— Вы снова начали плохо лгать.

Шульц опустил на стул.

Прежняя раздражённость исчезла.

Остался страх.

— Я не знал, что они будут убивать людей.

Рогов поднял голову.

— Кто?

Шульц молчал.

Ратников достал медный жетон.

— Второй Счёт?

Шульц закрыл глаза.

— Иногда вместе с заказом приносили такой знак.

— Кто?

— Разные люди.

— Назовите.

— Я не знал имён.

— Всех?

— Некоторых знал в лицо. Фамилий не спрашивал.

— Вы хотите убедить меня, что годами выполняли заказы неизвестных людей?

— Они платили.

— Вот это уже похоже на правду.

Ратников показал на обгоревший лист.

— Что позволял делать этот механизм?

Шульц долго смотрел на бумагу.

— Привести спуск в действие на расстоянии.

Бестужев перестал писать.

— Каким образом?

— Тягой.

— Верёвкой?

— Нитью. Тонкой проволокой. Через кольца или направляющие.

Ратников спросил:

— То есть пистолет может выстрелить, когда возле него никого нет?

— Может.

— Вы собирали устройство целиком?

— Нет.

— Кто собирал?

— Не знаю.

— Кому передали детали?

— Человеку с жетоном.

— Как выглядел?

— Это было пять лет назад.

— У вас хорошая память на оружие.

— На оружие, Александр Сергеевич. Не на людей.

Ратников не стал повторять вопрос.

Рогов указал на книгу.

— Забираем.

Шульц вскочил.

— Нет!

— Сядьте.

— Там частные заказы!

— А несколько страниц вы только что пытались сжечь у меня на глазах.

— Вы ворвались в мою мастерскую!

Рогов посмотрел на сломанный замок.

— После того как я назвал себя и потребовал открыть. Хотите жаловаться — жалуйтесь.

Он показал на обгоревшие листы.

— Это собрать отдельно.

Бестужев спросил:

— Все?

— Все. И записать, сколько удалось сохранить.

Корсаков сказал:

— Мне понадобится посмотреть книгу сегодня.

— У меня, — ответил Рогов.

— Разумеется.

Ратников поднял обгоревший фрагмент.

— С этого нужна копия.

Рогов посмотрел на него.

— Вам?

— Мне.

— А вы при каком месте?

— Ни при каком.

— Тогда зачем?

— Если бы я умел отвечать на этот вопрос, моя жизнь была бы значительно проще.

Корсаков вмешался:

— Сделайте выписку для меня. Я передам Александру Сергеевичу.

Рогов подумал.

— Только то, что читается. Без догадок.

— Именно.

Ратников положил лист обратно.

— Благодарю.

Он подошёл к Шульцу.

— Почему «Второй Счёт»?

— Не знаю.

— Вы двадцать лет видите знак и ни разу не спросили?

— Один раз спросил.

— И что вам ответили?

Шульц помолчал.

— Что первый счёт человек сводит сам.

— А второй?

— Я спросил то же самое.

— И?

Шульц поднял глаза.

— Мне сказали: если понадобится, узнаете.

В комнате стало тихо.

Ратников посмотрел на медный жетон.

— Понадобилось?

Шульц отвернулся.

Больше он ничего не сказал.

Когда Ратников и Корсаков вышли из мастерской, день уже почти исчез.

Фонари зажигали один за другим, окна светились жёлтым, по улице двигались сани, и полозья мягко шуршали по снегу.

Бестужев остался с Роговым заканчивать запись.

Корсаков задержался возле дверей.

— Довольны?

— Чем?

— Получили книгу.

— Книгу получил Савелий Петрович.

— Не придирайтесь.

— Это вы только что следили, чтобы всё происходило правильно.

— Потому что рядом были вы.

— Я благотворно влияю на государственную службу.

— Особенно когда советуете подозреваемым не сжигать бумаги таким голосом, что они немедленно бегут их сжигать.

— Я не отвечаю за чужую впечатлительность.

Они направились к карете.

И тут Ратников увидел человека.

На противоположной стороне улицы возле закрывавшейся лавки стоял мужчина в тёмном пальто и меховой шапке.

Ничего примечательного.

Таких в Петербурге были тысячи.

Он не смотрел на мастерскую.

Именно это Ратникову не понравилось.

Человек слишком долго стоял на одном месте, ничего не покупал, ни с кем не разговаривал и старательно интересовался всем, кроме людей, выходивших от Шульца.

Ратников не изменил шага.

— Павел Андреевич.

— Что?

— Садитесь в карету.

— Почему?

— Потому что я сейчас не сяду.

Корсаков начал оглядываться.

— Не смотрите.

— Куда?

— Теперь уже никуда.

Мужчина возле лавки двинулся.

— Чёрт, — сказал Ратников.

Он пошёл следом.

Наблюдатель не бежал.

Шёл быстро, не оборачиваясь.

Ратников держался шагах в тридцати.

Вечерний Петербург помогал обоим.

По мостовой двигались сани. Возчики перекрикивались. Из лавок выходили последние покупатели. У перекрёстка торговка собирала корзины.

Человек свернул.

Ратников ускорил шаг.

На следующей улице расстояние сократилось.

Наблюдатель оглянулся.

Лицо мелькнуло всего на секунду: широкое, с тёмными бакенбардами, лет сорока пяти.

Он понял, что за ним идут.

Теперь побежал.

Ратников тоже.

Сапоги скользили по утоптанному снегу.

Мужчина нырнул между санями.

Ратников едва не попал под лошадь.

— Куда прёшь! — заорал возчик.

— Вперёд.

— Чего?

— Уже ничего.

Ратников обогнул сани.

Человек исчез за углом.

Дальше начинался небольшой рынок.

Торговцы закрывали лавки. Между рядами толкались покупатели, слуги и мальчишки. Пахло рыбой, мокрой шерстью, хлебом и дымом.

Ратников увидел тёмную меховую шапку.

Пошёл туда.

Не тот.

Другой мужчина обернулся.

— Чего вам?

— Ошибся.

— Глаз нет?

— Сегодня есть. Завтра не обещаю.

Он двинулся дальше.

У противоположного выхода стояли сани.

Кучер курил.

— Только что кто-нибудь садился?

— Все садятся.

Ратников достал монету.

— За последние две минуты.

Монета исчезла в рукавице.

— Мужик был. В тёмном.

— Куда поехал?

— Туда.

Кучер показал вдоль улицы.

— На своих санях?

— Извозчика взял.

— Какого?

— А я им счёт веду?

Ратников посмотрел вперёд.

Три экипажа уже удалялись в разных направлениях.

Можно было выбрать любой.

И почти наверняка ошибиться.

Он не стал.

Когда Ратников вернулся к мастерской, Корсаков всё ещё ждал возле кареты.

— Потеряли? — спросил он.

— Решил дать ему почувствовать себя победителем. Если вам от этого легче, можете считать, что потерял.

— Лицо запомнили достаточно, чтобы узнать?

— Думаю, да. Но кем он приходится Шульцу, Второму Счёту или Архарову, я пока не знаю.

Ратников посмотрел на него.

— Павел Андреевич, если мы будем давать каждому неизвестному человеку фамилию и занятие сразу после знакомства, расследования станут значительно короче и совершенно бесполезны.

Корсаков улыбнулся.

— Утром посмотрим книгу.

— И копию обгоревшего листа.

— Если Рогов позволит.

— Убедите.

— Почему я?

— Потому что у вас государственная должность.

— А у вас?

— Характер.

Корсаков сел в карету.

— Вас куда?

Ратников хотел ответить: домой.

Вспомнил Елизавету.

Несколько дней назад он обещал заглянуть вечером, если освободится.

Разумеется, расследование давало безупречный повод не ехать.

Архаров убит.

Появился Второй Счёт.

Шульц сжигал бумаги.

Неизвестный следил за мастерской.

Любой разумный человек признал бы, что визит можно отложить.

Именно поэтому Ратников сказал:

— На Сергиевскую.

К тому времени, когда он вышел из кареты у дома Елизаветы, Петербург уже окончательно погрузился в зимнюю темноту.

Снова пошёл мелкий сухой снег. В окнах горел тёплый свет. По улице медленно прошли сани, колокольчик коротко звякнул и стих.

Ратников несколько секунд стоял перед дверью.

Он действительно мог не приезжать.

Это было бы просто и привычно: отложить визит на потом, на завтра, на время после дела, на тот свободный вечер, когда наконец перестанут убивать людей.

Он поднялся на крыльцо.

Дверь открыла горничная.

— Александр Сергеевич.

— Добрый вечер, Дуняша.

— Елизавета Андреевна дома.

— Я на это рассчитывал.

— Она тоже.

Последние два слова прозвучали с лёгким осуждением.

Ратников снял пальто.

— Вы сегодня все решили меня воспитывать?

Дуняша невинно посмотрела на него.

— Не знаю, Александр Сергеевич.

— Вот это особенно опасный ответ.

Елизавета ждала в гостиной.

На ней было тёмно-синее домашнее платье. Волосы собраны просто, без украшений.

На столе стояли чайник, две чашки и блюдо с пирожками.

Она посмотрела на Ратникова.

— Вы пришли.

— Звучит так, будто это неожиданность.

— Это наблюдение.

— Неприятное?

— Пока нет.

Он поцеловал ей руку.

— Простите.

— За что именно?

— На всякий случай.

— Очень предусмотрительно. Можно будет использовать позже.

Ратников сел.

Елизавета налила чай.

Несколько минут они говорили о вещах, не имевших никакого отношения к убийству.

О крыше его дома и человеку, который обещал починить её ещё до морозов, о цене дров и новой постановке, которую Елизавета собиралась посмотреть.

Ратников отвечал.

Иногда даже правильно.

Потом она сказала:

— Сколько их было?

— Минимум двое.

Елизавета поставила чашку.

— Вот.

— Что?

— Я ничего не спрашивала об убийстве.

Ратников понял.

— Простите.

— Вы уже простились заранее.

— Тогда это было предусмотрительно.

— Александр Сергеевич.

Он замолчал.

Елизавета смотрела спокойно.

Это было хуже раздражения.

— Можете уйти.

— Я только пришёл.

— Именно поэтому предложение особенно великодушное.

— Вы меня выгоняете?

— Нет. Если бы выгоняла, вы бы уже стояли в прихожей.

— У вас чрезвычайно высокое мнение о собственной власти.

— Нет. У меня довольно точное мнение о вашей совести.

Ратников взял чашку.

— И каково оно?

— Она существует. Но предпочитает не вмешиваться без крайней необходимости.

Он улыбнулся.

Елизавета не ответила.

— Я останусь, — сказал Ратников.

— Телом вы уже здесь.

— Постараюсь привести остальное.

— Это было бы удобно.

Он выпил чай.

Несколько секунд слушал, как потрескивают дрова в камине.

Потом сознательно отодвинул от себя Архарова, Шульца, перечёркнутую двойку, обгоревший лист и мужчину в тёмном пальто.

Получилось не сразу.

— Вы говорили о постановке.

Елизавета посмотрела на него внимательнее.

— Я говорила о ней семь минут назад.

— Я медленно возвращаюсь.

— Я заметила.

— Что ставят?

— Бомарше.

— Опасный человек.

— Почему?

— Заставляет людей смеяться над теми, кого они привыкли бояться.

— Вам должно нравиться.

— Поэтому и опасный.

Она наконец улыбнулась.

Ратников взял пирожок.

— Холодный.

— Вы опоздали.

— Это обвинение?

— Следствие.

— А приговор?

— Ешьте.

Он подчинился.

Разговор постепенно стал обычным.

Елизавета рассказала о соседке, решившей выдать дочь замуж за человека, которого дочь видела три раза и уже дважды не переносила.

Ратников предположил, что четвёртая встреча может всё исправить.

— Каким образом?

— Она привыкнет.

— К человеку?

— К тому, что не переносит его.

— У вас странные представления о браке.

— Поэтому я и не женат.

— Я думала, причина в другом.

— В чём?

Елизавета посмотрела на него поверх чашки.

— Вы всё оставляете на потом.

Ратников хотел ответить шуткой.

Почему-то не ответил.

— Возможно.

— Не «возможно».

Она сказала это без упрёка.

И именно поэтому слова остались.

За окном шёл снег.

По стеклу скользили тени проезжавших экипажей.

Ратников неожиданно вспомнил Архарова.

Тот тоже когда-то говорил ему нечто похожее.

Не о женщинах.

О жизни вообще.

Тогда Ратникову было тридцать с небольшим, и впереди действительно казалось слишком много времени, чтобы относиться к нему бережно.

Теперь ему было пятьдесят два.

А ощущение почему-то почти не изменилось.

— Вы опять ушли, — сказала Елизавета.

— Куда?

— Не знаю. Но явно не к Бомарше.

— На этот раз не к расследованию.

— Уже достижение.

Он посмотрел на неё.

— Елизавета Андреевна, а если человек действительно привык всё откладывать?

— Тогда однажды он обнаружит, что «потом» наступило без него.

— Это звучит как угроза.

— Это звучит как здравый смысл.

Ратников хотел сказать что-нибудь лёгкое.

Но снова не сказал.

Вместо этого взял второй пирожок.

— Этот тоже холодный.

— Остальные будут такими же.

— Удивительное постоянство.

— Некоторые вещи всё-таки можно предвидеть.

Он пробыл у неё ещё некоторое время.

И почти не думал о Втором Счёте.

Почти.

Когда Ратников поднялся, Елизавета проводила его до прихожей.

— Завтра опять будете спасать государство?

— Государство пока справляется без меня.

— Тогда кого?

Он надел пальто.

— Себя, вероятно.

Елизавета посмотрела на него.

— Это уже интереснее.

— Я пошутил.

— Знаю.

— И?

— Иногда вы шутите именно тогда, когда не хотите отвечать.

Ратников взял перчатки.

— Спокойной ночи.

— Спокойной ночи, Александр Сергеевич.

Он уже открыл дверь.

— Елизавета Андреевна.

— Да?

— Спасибо, что не выгнали.

— Не благодарите. Предложение остаётся в силе.

— Тогда мне придётся прийти ещё раз.

— Когда?

Первым ответом было привычное: потом.

Он почти произнёс его.

— Скоро.

Елизавета улыбнулась.

— Это немного лучше.

На улице снег усилился.

Ратников пошёл пешком.

До дома было недалеко, но карету брать не хотелось.

Петербург к ночи становился другим.

Днём город принадлежал чиновникам, экипажам, торговцам, просителям, офицерам и людям, торопившимся по делам.

Ночью оставались фонари, редкие прохожие, снег и огромные тёмные дома.

Ратников любил это время.

Город меньше притворялся.

Домой он вернулся около восьми.

Степан встретил его в передней.

— Вы ужинали?

— Да.

— Хорошо?

— Холодные пирожки.

— Значит, опоздали.

— Сегодня все необычайно проницательны.

Степан помог снять пальто.

— Приносили записку.

— От кого?

— От Павла Андреевича.

— Посыльный давно ушёл?

— Недавно.

Ратников прошёл в кабинет.

На столе лежал сложенный вдвое лист.

Почерк Корсакова был крупным и неожиданно аккуратным.

«Рогов позволил сделать предварительную выписку. В уцелевшей части книги обнаружено несколько заказов, отмеченных тем же сокращением. Утром посмотрим всё вместе».

Ниже Корсаков приписал:

«Есть имя, которое следует проверить первым».

Ратников перевернул лист.

На обороте стояло:

«Сергей Николаевич Одоевский».

И дата заказа.

Пять лет назад.

Степан заглянул в кабинет.

— Ужин подать?

Ратников продолжал смотреть на фамилию.

— Подай.

— Горячий?

— Было бы необычно, но попробуем.

Степан ушёл.

Ратников положил записку рядом со свечой.

Пока это было только имя.

Один из клиентов оружейника.

Возможно, человек, заказавший обычный ремонт.

Возможно, человек, вообще не имевший отношения ни к Архарову, ни к медному жетону.

Додумывать раньше времени Ратников не любил.

Но одна подробность ему не нравилась.

Шульц не пытался уничтожить всю книгу.

Он вырывал определённые страницы.

Значит, опасными считал не свои записи вообще.

Опасными были конкретные заказы.

Ратников ещё раз посмотрел на фамилию.

Сергей Николаевич Одоевский.

Внизу оборота была ещё одна короткая строка:

«Одоевский когда-то стрелялся на дуэли. Имя противника выясняю».

Ратников задержал взгляд на этих словах.

Архаров был связан со старой дуэлью и мёртвым противником. Теперь рядом возник Одоевский — и снова дуэль.

Он не стал соединять две точки только потому, что они удобно лежали на одной линии.

Но утром следовало узнать, кто стоял напротив Одоевского у барьера.

И жив ли этот человек.

ГЛАВА IV. МЁРТВЫЙ ПИШЕТ ПИСЬМА

На следующее утро Сергей Николаевич Одоевский ещё не был ни подозреваемым, ни жертвой.

Он был фамилией.

Фамилией на странице книги, которую оружейник Шульц пытался бросить в печь.

И этого Ратникову пока хватало.

Он сидел напротив Корсакова за столом, на котором лежали выписки из книги Шульца. Саму книгу квартальный надзиратель Рогов оставил у себя.

— Савелий Петрович оказался человеком принципов, — сказал Корсаков. — Книгу не дал.

— Правильно сделал.

— Вчера вы были менее великодушны.

— Вчера она была мне нужна.

Бестужев усмехнулся.

Корсаков посмотрел на него.

— Артемий Николаевич, не поощряйте.

— Я ничего не сказал.

— Именно поэтому я заметил.

Шульц вёл записи аккуратно, хотя своеобразно. В одних случаях указывал фамилии заказчиков, в других — только инициалы. На нескольких строках стояло одно и то же сокращение:

«В. С.»

— Второй Счёт? — спросил Корсаков.

— Возможно. Пока это две буквы.

— Но Шульц пытался уничтожить именно эти страницы, — заметил Бестужев.

— А вот это уже факт. Что удалось узнать об Одоевском?

Бестужев открыл записи.

— Сергей Николаевич Одоевский. Тридцать восемь лет. В отставке, прежде служил в гвардии. Несколько лет назад заказывал у Шульца ремонт дуэльных пистолетов. И сам участвовал в дуэли.

— С кем?

— С Александром Петровичем Салтыковым. Тот был ранен и через несколько дней умер.

Корсаков добавил:

— Официально — несчастный случай на охоте.

— Удобная охота.

Сначала Архаров и Беклемишев, теперь Одоевский и Салтыков: две старые дуэли, две смерти спустя годы. Линия возникала слишком легко.

— Секунданты?

— Один умер. Второго устанавливаю.

Ратников поднялся.

— Поедем к Одоевскому.

Одоевский жил в хорошем доме без показной роскоши. В передней стояли две трости, на стене висела давно не употреблявшаяся шпага, латунь на дверях была начищена до блеска.

Сергей Николаевич оказался худощавым мужчиной с правильным лицом и внимательными серыми глазами.

При появлении Корсакова он удивился.

При виде Ратникова — насторожился.

— Павел Андреевич. Александр Сергеевич.

Ратников поклонился.

— Мы знакомы?

— Лично нет. Но в Петербурге трудно не знать Александра Ратникова.

— Последние пятнадцать лет я старался это исправить.

— Видимо, недостаточно.

— Уже начинаю подозревать.

Они сели.

Корсаков сообщил о книге Шульца.

— Я был его клиентом, — ответил Одоевский.

— Ремонтировали дуэльные пистолеты, — сказал Ратников.

— Да.

— После дуэли с Александром Салтыковым?

Лицо Одоевского изменилось.

— Откуда вы знаете?

— Значит, была.

— Салтыков умер.

— Знаю.

Вместо следующего вопроса Ратников достал бумажный свёрток и положил на стол медный жетон.

Одоевский побледнел.

— Где вы это взяли?

— Возле убитого Петра Архарова.

— Уберите.

— Знаете знак?

— Видел.

— Второй Счёт?

Одоевский резко поднял глаза.

Этой реакции было достаточно.

— Кто вам сказал это название?

— Шульц. Вы состояли в Обществе?

— Нет.

— Но знали его.

— Я слышал название.

— И видели знак.

— Да.

— Где?

Одоевский помолчал.

— Не помню.

Ратников завернул жетон.

— Память у вас портится только в удобных местах.

— Вы приехали обвинять меня?

— Нет. Пока только советовать. Не выходите из дома один.

— Это приказ?

— Нет.

— Тогда я могу не послушаться.

— В этом недостаток советов.

На улице их ждал Бестужев.

— Второго секунданта Салтыкова нашли. Граф Лев Воронцов.

— Жив?

— Да. Сейчас за городом.

Корсаков посмотрел на Ратникова.

— Старые дуэли, Второй Счёт, Воронцов...

— Именно.

— Что именно?

— Слишком удобно. Не люблю, когда расследование старается понравиться мне раньше времени.

Позднее Одоевский сам прислал за ними.

На столе лежало письмо.

— Принёс мальчишка. Неизвестный дал ему монету на улице.

Ратников развернул лист.

«Сергей.

Одиннадцать лет назад вы оставили наш разговор незаконченным.

Я ждал достаточно.

Завтра вечером, старая дорога к Пороховым.

Приезжайте один.

На этот раз не просите меня снова надеть левую перчатку.

Александр Салтыков».

— Почерк?

— Его.

— А перчатка?

Одоевский медленно сел.

— Перед дуэлью Салтыков снял левую перчатку. Было холодно. Я сказал ему: «Наденьте. Не хочу потом слышать, что победил вас мороз».

— Кто слышал?

— Секунданты. Возможно, слуга.

— Воронцов?

Одоевский слишком быстро посмотрел на него.

— Вы уже нашли его?

— Только имя.

Ратников отложил письмо.

— Расскажите о дуэли.

— Мы были друзьями. Поссорились из-за женщины. Теперь даже смешно объяснять.

— Кто стрелял первым?

— Салтыков. Промахнулся. Я попал.

— Вы виделись потом?

— Перед смертью. Он сказал, что я не виноват.

— Поверили?

Одоевский посмотрел на огонь.

— Нет. Иногда умирающий прощает человека не потому, что тот невиновен, а потому, что больше не хочет его мучить.

— Вы поедете?

— Нет.

— Хорошо. Тогда оставайтесь дома. Если придёт ещё что-нибудь — сразу сообщите.

На следующий день Одоевский повторил, что ехать не собирается.

— Тогда попробуем заставить двигаться другую сторону, — сказал Ратников.

Он предложил распространить слух, будто Одоевский испугался и намерен покинуть Петербург.

— Куда именно?

— В Москву.

— Почему?

— Достаточно далеко, чтобы это обеспокоило тех, кому вы нужны здесь.

Одоевский понял первым.

— Вы хотите использовать меня как приманку.

— Да.

— Опасно?

— Да.

— Хорошо. Делайте.

Ратников внимательно посмотрел на него.

— Можете отказаться.

— Не отказываюсь.

— Тогда одно условие: сами никуда не едете. Если с вами свяжутся — сразу сообщаете нам.

Слух пустили осторожно.

Одоевский испугался.

Одоевский собирается уехать.

Возможно, в Москву.

За домом установили наблюдение.

Ратников и Корсаков ждали в трактире через улицу.

Время тянулось медленно.

Корсаков принёс только одну новость:

— Воронцов вернулся в Петербург. Примет нас завтра.

— Хорошо.

— Думаете, он причастен?

— Думаю, Одоевскому не понравилось его имя. Этого пока достаточно.

Позже слуга принёс записку:

«Ничего не произошло. Думаю, вы ошиблись».

Ратников велел передать, чтобы хозяин оставался дома.

Снег усилился.

Улица постепенно опустела.

И тогда дверь трактира распахнулась.

Вошёл человек Корсакова.

— Одоевский уехал.

Ратников поставил чашку.

— Как?

— Через соседний двор. Заметили поздно.

Через несколько минут они уже были в доме.

На столе лежала записка:

«Не следуйте за мной».

Одного пистолета не было.

— После нашей записки что-нибудь произошло? — спросил Ратников у слуги.

Тот замялся.

— Было ещё письмо. Горничная нашла возле задней двери.

— Где оно?

— Не знаю.

В камине среди свежего пепла белел обгоревший угол бумаги.

Ратников достал его щипцами.

Ни одного слова не сохранилось.

— Что хозяин делал после письма?

— Закрылся здесь. Потом открыл бюро и взял старый сложенный лист.

— Что-нибудь сказал?

— «Поздно было брать чужое».

После этого Одоевский взял пистолет и ушёл через соседний двор.

Ратников посмотрел на пепел.

Первое письмо Одоевский показал им сам.

Второе уничтожил.

— Куда он поехал?

— Не сказал.

Ратников взял первое письмо.

— Тогда у нас есть только одно место.

Сани понеслись к старой дороге на Пороховые.

Город остался позади.

Снег бил в лицо.

— Если это ловушка? — спросил Корсаков.

— Это ловушка.

— Я имею в виду для нас.

— Тогда наконец познакомимся.

— Вы иногда говорите так, будто бессмертны.

— Это было бы крайне неудобно.

— Почему?

— Пришлось бы слишком долго вас слушать.

За городом они нашли следы полозьев.

Потом — пустые сани.

От дороги к деревьям уходили следы.

Впереди открылась поляна.

Раздался выстрел.

— Быстрее.

Они побежали.

— Едут! — крикнул кто-то впереди.

— Оставь!

Хлестнул кнут.

Между деревьями мелькнули две фигуры.

Через мгновение сани исчезли на боковой дороге.

У дерева лежал Одоевский.

Полы пальто были распахнуты.

Один карман вывернут.

Ратников опустился рядом.

— Сергей Николаевич.

Одоевский открыл глаза.

— Поздно...

— Кто был здесь?

— Салтыков.

— Кто стрелял?

— Я.

— А он?

Слабое движение головы.

— Нет...

— Кто вас ранил?

— Сзади...

Под пальто оставался застёгнутым внутренний карман.

Одоевский схватил Ратникова за запястье.

— Лист...

Ратников достал сложенную бумагу.

— Его искали?

Кивок.

— Второе письмо было из-за него?

Кивок.

— Почему сейчас?

— Москва... решили... что увезу...

Ратников замер.

Его слух дошёл.

— Требовали вернуть?

— Да...

— А если нет?

— Расскажут... тем... с кого брал...

— Деньги?

Одоевский закрыл глаза.

— Вы сами взяли лист?

Кивок.

— Зачем?

— Сначала... защита...

Ратников не стал продолжать.

— Воронцов?

Одоевский сжал его руку.

— Он знает...

Пальцы разжались.

Корсаков проверил пульс.

— Жив.

— За лекарем.

Корсаков побежал к дороге.

Ратников снова наклонился к Одоевскому.

— Тот, кто изображал Салтыкова, говорил?

— Да...

— Что?

— Спросил... не холодно ли мне теперь.

— А потом?

— Сзади...

Одоевский потерял сознание.

Ратников поднялся.

Напротив места, где стрелял Одоевский, остались следы второго человека.

Сбоку, за деревьями, — третьего.

На снегу лежал разряженный пистолет.

Человек напротив почти не двигался.

Третий ждал в стороне.

Ратников вернулся к Одоевскому.

Расстёгнутое пальто.

Вывернутый карман.

Спрятанный внутри лист.

Этого было достаточно.

Корсаков вернулся.

— За лекарем послал.

Ратников указал на следы.

— Их было двое.

— Один изображал Салтыкова?

— Да.

Корсаков посмотрел на бумагу.

— Второй искал это.

Ратников кивнул.

Они прошли к старой хозяйственной дороге.

Следы саней уходили в темноту.

Ни жетона, ни записки.

— Возле Архарова знак могли оставить намеренно, — сказал Ратников.

— Зачем?

— Пока не знаю.

Лекарь приехал слишком поздно.

Одоевский умер.

Когда тело укладывали в сани, Корсаков остановился рядом.

— Ваш слух дошёл.

— Да.

— И заставил их поспешить.

Ратников смотрел на мёртвого Одоевского.

— Не только их.

Больше они об этом не говорили.

На обратном пути Ратников почти всё время молчал.

Бумага Одоевского лежала у него во внутреннем кармане.

В городе они расстались.

— Завтра у меня, — сказал Корсаков. — И бумагу принесите.

— Если не съем.

— Александр Сергеевич.

— Принесу.

Корсаков уже садился в карету, когда обернулся.

— Куда теперь?

— Домой.

— Неправда.

— Вы становитесь назойливы.

— К Елизавете Андреевне?

Ратников закрыл дверцу кареты.

— Спокойной ночи.

У Елизаветы ещё горел свет.

Он несколько секунд стоял перед дверью.

Вчера он думал, стоит ли входить, потому что был занят.

Сегодня — потому что не хотел говорить.

Второе оказалось труднее.

Он постучал.

Елизавета была в гостиной.

Увидев его, закрыла книгу.

— Что случилось?

— Убили Одоевского.

— И вы считаете себя виноватым?

Ратников усмехнулся.

— Вы сегодня решили сэкономить мне половину разговора.

— По вашему лицу она не нужна.

Он подошёл к окну.

— Я пустил слух, чтобы заставить тех людей действовать. Они действовали.

— Вы могли знать, чем это закончится?

— Нет.

— Но риск был.

— Да.

— Значит, вы ошиблись.

— Человек умер.

— Да.

Она сказала это спокойно.

— Для него разница между ошибкой и преступлением уже невелика.

— Для него уже вообще ничего нет.

— Вот именно.

— Нет, Александр Сергеевич. Не «вот именно».

Она поставила перед ним воду.

— Вы ошиблись. Не превращайте ошибку ни в подвиг, ни в трагедию. Просто запомните её цену.

Ратников молчал.

— Если ошиблись — исправляйте. Но не делайте из собственной вины ещё один способ думать только о себе.

— Это жестоко.

— Да.

— Спасибо.

— Не благодарите. Вы наверняка снова сделаете что-нибудь опасное.

— Очень вероятно.

— Тогда хотя бы сделайте это умнее.

Он улыбнулся.

— Теперь узнаю вас.

— Я никуда не уходила.

Фраза почему-то осталась с ним.

Дома Степан встретил его в передней.

— Поздно.

— Я заметил.

— Ужин?

— Нет. Чай.

Степан посмотрел на его рукав.

— Кровь.

— Не моя.

— От этого она чище не стала.

— Тогда ещё и горячей воды.

В кабинете Ратников вымыл руки и достал бумагу Одоевского.

При хорошем свете стало видно: это был не целый лист.

Край был неровным, словно бумагу вырвали из сшитой тетради. В левом поле сохранились отверстия и остаток тонкой нити.

Края затёрлись.

Сгибы побелели.

Одоевский хранил лист давно.

На нём уцелели пять строк.

«Воронцов — С.»

«Сабуров — Д.»

«Верещагин — О.»

«Тучков — 22.»

«Ратников — Н.»

Ратников перечитал их.

Это был не список.

По крайней мере, не список в обычном смысле.

Это был обрывок чего-то большего.

Степан вошёл с чаем.

Посмотрел через плечо.

— Воронцов уже знаком.

— Да.

— Остальные?

— Завтра узнаем.

— Ратникова можно не искать.

— Одной заботой меньше.

Степан ткнул пальцем в последнюю строку.

— «Н»?

— Не знаю.

— «Негодяй»?

— Возможно.

— Тогда расследование окончено.

— Вы сегодня дерзки.

— Поздно уже бояться увольнения.

Степан налил чай.

Ратников продолжал смотреть на лист.

Пять фамилий.

Пять разных пометок.

Если бы это был простой перечень будущих жертв, обозначения не имели смысла.

Значит, людей объединяло что-то другое.

— Завтра найдём остальных.

— Думаете, они в опасности?

— Не знаю. Пока даже не знаю, жертвы они или совсем наоборот.

Степан направился к двери.

У порога остановился.

— А вы?

— Что я?

— Вы тоже в этом списке.

Ратников посмотрел на последнюю строку.

«Ратников — Н.»

Четыре другие фамилии принадлежали людям, которых можно было разыскать, расспросить, проверить.

Пятая принадлежала ему.

— Спокойной ночи, Степан.

— Не будет она спокойной.

— Почему?

— Потому что вы сейчас начнёте думать.

Дверь закрылась.

За окном падал снег.

На столе лежал обрывок чужой ведомости.

Воронцов — С.

Сабуров — Д.

Верецагин — О.

Тучков — 22.

Ратников — Н.

Четыре строки вели к другим людям.

Пятая вела к нему.

Что означало «Н» напротив фамилии Ратникова?

ГЛАВА V. ДВАДЦАТЬ ШАГОВ

«Человек охотнее верит глазам, когда заранее знает, что должен увидеть».

Утром Карл Рейнер был зол.

Обычно это выражалось в том, что он становился особенно вежлив.

— Александр Сергеевич, если вы ещё раз привезёте мне покойника ночью, я буду вынужден изменить условия нашего знакомства.

— У нас были условия?

— Теперь есть. Вы совершаете глупости днём. Я исследую последствия утром.

— А если человека убьют вечером?

— Попросите убийцу подождать.

— Передам при случае.

Рейнер снял очки и протёр их платком.

За окном стоял серый зимний день. Света было мало, поэтому на столе горели две свечи.

— Вы хотели знать, как умер Одоевский.

Ратников перестал улыбаться.

— Хотел.

— Теперь знаю.

Тело находилось в соседней комнате.

Рейнер откинул край простыни и показал повреждение на спине.

— Пуля вошла сзади, немного сбоку. Это вы и сами заметили. Но вчера я не мог сказать главного.

Он указал на отверстие в одежде.

— Посмотрите.

Ратников наклонился.

Края ткани потемнели.

— Порох?

— И следы ожога.

— Стреляли близко.

— Очень близко.

— Насколько?

Рейнер посмотрел на него с раздражением.

— Не заставляйте меня выдумывать точное расстояние. Я врач, а не гадатель. Но одно скажу уверенно: не с обычной дуэльной дистанции.

Ратников выпрямился.

Двадцать шагов.

Примерно столько отделяло бы противников на привычной дуэли.

На поляне всё выглядело именно так: два человека напротив друг друга, пистолет Одовского, выстрел.

Но смертельная пуля пришла не оттуда.

— Пулю извлекли?

Рейнер показал небольшой свёрток.

Внутри лежал сплюснутый кусок свинца.

— Оружие определить можно?

— Нет.

— Совсем?

— Если хотите, назову мастера, владельца и улицу, где тот живёт. Но тогда платить мне придётся как шарлатану.

Ратников завернул пулю обратно.

— Значит, Одоевский выстрелил в человека перед собой, а убили его почти в упор с другой стороны.

— Это я готов подтвердить.

— Человек напротив не стрелял.

— По крайней мере, смертельной пулей.

Ратников накрыл тело.

Картина, увиденная вчера на поляне, получила единственное существенное дополнение.

Тот, кто стоял напротив Одоевского, был нужен не для убийства.

Он был нужен для изображения дуэли.

— Одоевский утверждал, что видел Салтыкова.

— Утверждал.

— Он знал его.

— Одиннадцать лет назад.

— Можно настолько изменить чужое лицо?

Рейнер пожал плечами.

— В театре делают и не такое.

— Там зритель знает, что перед ним актёр.

— Именно поэтому здесь легче.

Ратников посмотрел на него.

— Почему?

— Человеку присылают письмо почерком покойного. Напоминают подробность старой дуэли. Он приезжает туда, где ожидает увидеть мертвеца. Темно, снег, расстояние. Перед ним знакомая фигура. Потом она произносит ещё одну фразу из прошлого. В такой момент человек не рассматривает форму носа.

— Он узнаёт того, кого уже ждёт.

— Именно.

Ратников задумался.

— Значит, воскресение пока отменяется.

— Я ничего не отменял. Я дал вам возможность обойтись без него.

— Пока достаточно.

Они вернулись в кабинет.

Рейнер налил себе воды.

— Что теперь?

— Пять фамилий.

— Чьих?

— Пока не знаю. Одна моя.

Рейнер посмотрел на него поверх очков.

— Вы нашли свою фамилию в бумагах убитого?

— Да.

— И всё ещё шутите.

— Уже из принципа.

— Когда-нибудь этот принцип вас убьёт.

— Тогда вы получите последнее слово.

— Ради этого я и продолжаю наше знакомство.

На улице мороз хватал за лицо.

Петербург жил своей обычной жизнью.

Дворник отбрасывал снег от крыльца. У булочной две женщины спорили из-за очереди. Мальчишка тащил санки с мешком угля. Из открывшейся двери лавки пахло горячим хлебом.

Ратников задержался на несколько секунд.

Вчера Одоевский тоже видел эти улицы.

Наверняка думал о делах, деньгах, людях, которых собирался встретить, о Москве, куда на самом деле не собирался.

Человек почти всегда умирает посреди чего-нибудь.

Недописанного письма.

Неоконченного разговора.

Обещания, которое намеревался выполнить завтра.

Смерть редко приходит вовремя.

Впрочем, для неё самой время, вероятно, всегда подходящее.

— Александр Сергеевич!

Бестужев почти бежал через улицу.

— Вы откуда?

— От Рогова.

— И почему такой счастливый?

— Я не счастливый.

— Тогда у вас странный способ страдать.

Бестужев перевёл дыхание.

— Нашли ещё кусок бумаги.

Ратников перестал улыбаться.

— Где?

— В книге Шульца. Обгоревший фрагмент прилип к внутренней стороне переплёта. Рогов утром снова разбирал остатки.

— Что на нём?

— Ваша фамилия.

У Рогова уже сидел Корсаков.

Квартальный надзиратель встретил Ратникова хмуро.

— Опять вы.

— И я рад вас видеть.

— Не сомневаюсь.

На столе лежал лист, найденный у Одоевского.

Рядом — маленький почерневший клочок.

— Смотрите, — сказал Корсаков.

Рогов осторожно придвинул фрагмент к верхнему краю листа.

Разрыв совпал не полностью — часть бумаги сгорела, — но линия волокон продолжалась, а отверстия от сшивки шли одно над другим.

— Один лист? — спросил Ратников.

— По всей видимости, — ответил Рогов. — Бумага одинакова, край подходит, отверстия совпадают. Большого я вам не обещаю.

— Вы становитесь похожи на меня.

— Не дай бог.

Корсаков указал на сохранившиеся слова.

На обгоревшем фрагменте читалось:

«...к 21 декабря».

Ниже уцелело продолжение последней строки:

«...Ратников — Н. — последний».

Ратников положил рядом основную часть листа.

Теперь запись выглядела так:

«Воронцов — С.»

«Сабуров — Д.»

«Верещагин — О.»

«Тучков — 22.»

«Ратников — Н. — последний».

Выше отдельно оставалось:

«...к 21 декабря».

— Последний, — произнёс Корсаков.

— Вижу.

— И дата.

— Вижу и её.

— Вас трудно удивить.

— Напротив. Я просто не люблю показывать это незнакомым бумагам.

Бестужев спросил:

— Значит, Ратников последний в списке?

— Последний в чём? — спросил Ратников.

— Этого я не знаю.

— Вот и я не знаю.

Корсаков провёл пальцем вдоль строк.

— Пять фамилий. Дата. Возле вашей — «последний». После двух убийств естественно предположить, что перед нами перечень следующих целей.

— Естественно.

— Но вы не согласны.

— Я не сказал этого.

Ратников указал на пометки.

— Посмотрите внимательнее. Возле Воронцова буква. Возле Сабурова другая. Возле Верещагина третья. Возле Тучкова число. Возле меня буква и отдельное слово.

— И?

— Если это просто пять людей, которых собираются убить, зачем описывать их пятью разными способами?

Бестужев нахмурился.

— Тогда это не порядок?

— Может быть порядком. Может быть чем угодно. Но мне кажется, здесь записаны не пять одинаковых людей.

— А что?

Ратников ещё раз посмотрел на лист.

— Пять разных состояний.

Корсаков поднял бровь.

— Состояний чего?

— Если узнаю, обязательно вам скажу.

— Великодушно.

Ратников коснулся пальцем числа возле фамилии Тучкова.

— Вот это особенно интересно.

— Двадцать два?

— Буква может быть сокращением. Но двадцать два — уже количество чего-то.

— Денег?

— Возможно.

— Лет?

— Возможно.

— Номер?

— И это возможно.

Корсаков вздохнул.

— Иногда разговаривать с вами утомительно.

— Зато я редко заставляю вас поверить в то, чего не знаю сам.

Рогов кашлянул.

— Господа, пока вы устанавливаете природу мироздания, могу я узнать, что делать с бумагами?

— Хранить, — сказал Корсаков.

Рогов посмотрел на него.

— Благодарю. Без вас сжѣг бы.

Ратников усмехнулся.

— Савелий Петрович, вы начинаете мне нравиться.

— Это пройдёт.

Корсаков попросил его подготовить точную копию сохранившегося текста и проверить, встречаются ли в книге Шульца остальные четыре фамилии.

На улице Бестужев снова достал записную книжку.

— Что теперь?

— Узнаём, кто эти люди.

— Воронцов уже известен.

— Поэтому начнём с него.

Граф Лев Воронцов жил на Английской набережной.

Дом был богатый, но без показной роскоши. Хорошие вещи вообще редко нуждались в том, чтобы о себе кричать.

Лакей принял пальто с таким достоинством, словно оказывал государственную услугу.

— Хороший дом, — заметил Ратников.

— Уже подозреваете хозяина? — спросил Корсаков.

— Пока завидую.

— Это ещё хуже.

Воронцов принял их в библиотеке.

Высокий сухощавый мужчина лет пятидесяти с седыми волосами и спокойным, несколько усталым лицом.

— Павел Андреевич. Александр Сергеевич. Чем обязан?

Корсаков ответил без предисловий:

— Сергей Одоевский убит.

Пальцы Воронцова на подлокотнике сжались.

— Когда?

— Вчера.

— Как?

Ратников сказал:

— Он приехал на встречу с Александром Салтыковым.

Воронцов медленно поднял глаза.

— Салтыков умер.

— Поэтому мы здесь.

Граф помолчал.

— Я был секундантом Сергея.

— Знаем. Перед той дуэлью Салтыков снял левую перчатку.

Воронцов едва заметно напрягся.

— Возможно.

— Одоевский попросил его надеть её. Кто ещё слышал?

— Второй секундант. Возможно, слуга Салтыкова.

— Второй секундант умер.

— Да.

— Слугу помните?

— Нет.

Ратников достал медный жетон и положил на стол.

— А это?

Воронцов бросил на него слишком короткий взгляд.

— Нет.

— Даже не спросите, что это?

— Хорошо. Что это?

— Поздно.

Воронцов откинулся в кресле.

— Александр Сергеевич, если вы намерены ловить меня на движении бровей, разговор будет долгим.

— Второй Счёт.

Пальцы графа перестали двигаться.

Лицо осталось спокойным.

— Не знаю такого.

Ратников убрал жетон.

— Теперь разговор действительно становится интереснее.

— Почему?

— Вы уже второй человек, который не знает слишком быстро.

Корсаков достал копию списка.

— Посмотрите.

Воронцов прочитал.

На фамилии Сабурова его взгляд задержался.

Потом — на Тучкове.

— Знакомы? — спросил Ратников.

— С некоторыми.

— С кем?

— С Сабуровым встречался по службе. Тучкова видел в обществе. Верещагина знаю по имени.

— А список?

— Никогда.

— Что означает ваша «С»?

— Не знаю.

— «Д» возле Сабурова?

— Не знаю.

— Двадцать два возле Тучкова?

Воронцов посмотрел на Ратникова.

— Вы собираетесь перечислить весь лист?

— Если понадобится.

— Тогда сэкономлю вам время. Я не знаю, что означают эти пометки.

— Но фамилии знаете.

— Петербург не настолько велик.

Ратников наклонился вперёд.

— Вам угрожали?

— Мне много раз угрожали.

— Недавно?

— Нет.

— Письма от умерших получали?

Граф усмехнулся.

— Пока нет.

— Если получите, не ездите на встречу.

— Благодарю за заботу.

— Это не забота. Одоевскому я советовал то же самое.

Улыбка исчезла.

Ратников поднялся.

Уже возле двери Воронцов сказал:

— Александр Сергеевич.

— Да?

— Вы считаете это списком будущих жертв?

— Это одна из версий.

— Тогда у неё есть недостаток.

— Какой?

Граф указал на копию.

— Моё имя первое.

— Вижу.

— Я жив.

— Тоже вижу.

— И мне никто не угрожал.

Ратников вернулся на шаг.

— Что вы хотите этим сказать?

— Ничего. Просто советую не слишком любить собственные версии.

— Хороший совет.

— Пользуйтесь.

— Обязательно. Особенно когда узнаю, почему вы испугались жетона.

На улице Корсаков спросил:

— Лжёт?

— Да.

— Во всём?

— Нет.

— Откуда знаете?

— Если человек лжёт во всём, с ним гораздо проще.

Корсаков усмехнулся.

— Последняя фраза была разумной.

— Поэтому и неприятна.

У саней их ждал Бестужев.

— Нашёл Сабурова.

— Рассказывайте.

— Игнатий Павлович Сабуров. Майор в отставке. Живёт на Литейной стороне. Из Петербурга не уезжал. Дуэль в прошлом была.

— Противник?

— Умер несколько лет спустя. Не от раны.

— Хорошо.

— Что хорошего?

— Не приходится подгонять ещё одну смерть под нашу версию.

Бестужев убрал книжку.

— Но сегодня утром Сабуров получил письмо.

Корсаков повернулся.

— От кого?

— От человека, с которым когда-то стрелялся.

— Он жив?

— Нет.

Ратников посмотрел на него.

— Сабуров показал письмо?

— Пока нет. Я узнал от человека в его доме. Сабуров после письма заперся у себя и велел никого не принимать.

Корсаков медленно произнёс:

— Одоевский получил письмо от мёртвого противника. Теперь Сабуров.

— Да.

— И оба стоят здесь.

Он показал на копию.

Бестужев спросил:

— Значит, всё-таки список жертв?

Ратников посмотрел на пять строк.

— Возможно.

— Вы только что говорили о разных состояниях.

— Одно другому не мешает. Разные пометки могут означать разные причины, по которым эти люди оказались в одном документе.

— А что их объединяет?

— Вот это и надо узнать.

Он перевёл взгляд на Воронцова.

Первый в перечне.

Жив.

Письма не получал.

И лгал о Втором Счёте.

Второй — Сабуров.

Только что получил письмо от покойника.

Третий — Верещагин.

Четвёртый — Тучков с непонятным числом.

Последний — сам Ратников.

Нет, это не походило на простой перечень будущих убийств.

Слишком разные пометки.

Слишком разные люди.

Возможно, они искали ответ не на тот вопрос.

Не что собирались сделать с этими пятерыми.

А что уже произошло с каждым из них.

— Александр Сергеевич, — позвал Бестужев.

Ратников поднял голову.

— Что?

Бестужев смотрел на сиденье саней.

Там лежал небольшой сложенный лист.

Ратников медленно подошёл.

— Это ваше?

Корсаков покачал головой.

Кучер обернулся.

— Я ничего не клал, господа.

— От саней отходили? — спросил Корсаков.

— К лошади подходил. На минуту, не больше.

На внешней стороне было написано:

«Ратникову».

Ни печати.

Ни знака.

Ратников развернул лист.

Одна строка:

«Сабуров не дожждётся утра».

Бестужев побледнел.

— Они знают, что мы его нашли.

Ратников оглядел улицу.

Двое лакеев разговаривали у ворот. Извозчик медленно правил лошадыю. Женщина вела ребёнка. Торговец поправлял корзину на плече.

Никто не спешил.

Никто не оглядывался.

Тот, кто положил письмо, мог уже исчезнуть.

А мог стоять рядом.

— К Сабурову, — сказал Корсаков.

Они сели.

— На Литейную сторону! — крикнул Бестужев кучеру.

Лошадь пошла быстро.

Корсаков посмотрел на записку, оставшуюся в руке Ратникова.

— Если верить этому, до утра они что-то предпримут.

— Уже предприняли.

— Письмо?

— Они знают, что мы были у Воронцова. Знают, что нашли Сабурова. И подошли к нашим саням посреди улицы.

Ратников спрятал записку.

— Значит, ждать ночи им незачем.

Больше они не разговаривали.

Когда свернули на улицу Сабурова, уже начинало темнеть.

Бестужев привстал.

— Каменный дом впереди. С воротами.

Ратников увидел его.

Обычный петербургский дом.

Свет в нескольких окнах.

Сани возле ворот.

Дворник сгребал снег к краю мостовой.

До дома оставалось шагов сорок, когда раздался выстрел.

Короткий.

Сухой.

Лошадь шарахнулась.

Кучер выругался и натянул вожжи.

Корсаков сразу повернулся к домам.

— Слева?

Ратников прислушался.

Звук метнулся между каменными стенами и исчез.

— Не уверен.

— Я тоже.

Сани прошли ещё несколько саженьей.

Дворник у дома Сабурова перестал мести и смотрел в подворотню.

— Стой, — одновременно сказали Ратников и Корсаков.

Кучер осадил лошадь.

Из подворотни вышел человек.

Он не бежал.

Шёл быстро, но без суеты, придерживая шляпу одной рукой.

Тёмное пальто.

Меховой воротник.

Лица с такого расстояния не разобрать.

Человек свернул за угол.

— Артемий Николаевич, за ним, — приказал Корсаков.

Бестужев прыгнул в снег и бросился следом.

Ратников уже шёл к воротам.

Корсаков догнал его.

— Мы ещё не знаем, стреляли ли здесь.

— Сейчас узнаем.

Дворник растерянно смотрел вслед Бестужеву.

— Кто вышел? — спросил Корсаков.

— Не знаю, господа.

— Из этого дома?

— Со двора.

— Выстрел слышали?

— Слышал.

— Откуда?

Дворник показал в подворотню.

— Будто отсюда. Только тут меж стенами не разберёшь.

Ратников и Корсаков переглянулись.

Они вошли под арку.

Дверь чёрного хода была приоткрыта.

На снегу перед ней виднелись свежие следы.

Ратников достал пистолет.

Корсаков сделал то же самое.

— Я первым, — сказал Корсаков.

— Почему?

— Потому что вы почему-то уверены, что только вы умеете входить в двери, за которыми стреляют.

— Никогда такого не говорил.

— Вы предпочитаете показывать.

Корсаков толкнул дверь.

За ней начиналась тёмная лестница.

На первой ступени лежала свеча.

Она ещё горела.

Рядом темнело небольшое пятно крови.

Корсаков присел, посмотрел, но не прикоснулся.

— Свежее.

Ратников поднял голову.

Где-то наверху едва слышно скрипнула половица.

Оба одновременно подняли пистолеты.

— Сабуров! — крикнул Корсаков.

Тишина.

Потом сверху донёсся мужской голос:

— Если это вы, господа, поднимайтесь.

Ратников и Корсаков переглянулись.

Голос был спокойным.

И совершенно живым.

— Игнатий Павлович? — спросил Корсаков.

— Да.

— Вы ранены?

Короткая пауза.

— Нет.

Ратников посмотрел на пятно крови.

— Тогда чья кровь?

Сверху снова стало тихо.

А потом Сабуров ответил:

— Поднимайтесь, Ратников. Здесь человек, которого я убил двенадцать лет назад.

ГЛАВА VI. ПЯТЕРО

«Иногда труднее всего увидеть связь между вещами, которые нарочно положили рядом».

— Поднимайтесь, Ратников. Здесь человек, которого я убил двенадцать лет назад.

Ратников посмотрел на Корсакова.

— Вы сами вызвались идти первым. Не стану лишать вас удовольствия.

— Вы удивительно злопамятны, Александр Сергеевич.

— Зато последователен.

Они поднялись.

На втором этаже горели две свечи. Дверь кабинета была открыта.

Игнатий Павлович Сабуров стоял возле письменного стола с пистолетом в руке. Крепкий мужчина немного старше пятидесяти, широкоплечий, с тяжёлым лицом и коротко подстриженными седыми усами. Рубашка возле воротника была расстёгнута. На левой щеке виднелась свежая царапина.

На полу лежал человек.

Ратников несколько секунд смотрел на него, потом заметил едва заметное движение груди.

— Ваш покойник, кажется, не вполне согласен с собственным состоянием.

Сабуров опустил глаза.

— Когда он вошёл, я не был уверен ни в чём. Теперь вижу, что поспешил его хоронить.

Корсаков приблизился к лежащему. Мужчина был лет сорока. На виске запеклась кровь, рядом валялся пистолет.

— Судя по тому, что мы слышали на улице, стреляли вы. Если бы попали, положение этого господина было бы несколько хуже.

— Я и не попал. Он бросился к лестнице, поскользнулся и ударился головой о ступень. Я догнал его прежде, чем он успел выбраться во двор.

Ратников присел рядом.

Лицо было незнакомым.

Никакого чудесного возвращения из могилы.

Просто человек в хорошем тёмном сюртуке, которому не повезло с чужой ролью.

— Значит, это не тот человек, которого вы убили двенадцать лет назад. Расскажите о настоящем.

Сабуров поставил пистолет на стол.

— Пётр Лунин. Мы стрелялись. Он был ранен и умер через два дня.

— Но несколько минут назад вы приняли этого человека за Лунина.

Сабуров раздражённо провёл ладонью по лицу.

— Когда он появился в дверях — да. Теперь мне самому это кажется нелепым. Было темно, я ждал неизвестно чего после письма, а потом увидел знакомое лицо. Или решил, что увидел.

Корсаков заметил на столе раскрытый конверт.

— Покажите письмо. Если вас заранее готовили к этой встрече, начинать надо с него.

Сабуров протянул лист.

Текст был коротким:

«Игнатий.

Вы хорошо помните, чем закончился наш последний разговор.

Я тоже.

Сегодня я приду сам.

Пётр Лунин».

Ратников прочитал и вернул письмо Корсакову.

— Насколько похож почерк?

— Настолько, чтобы я его узнал. Теперь уже не поручусь, что сходство безупречное.

— Что произошло после получения письма?

— Я велел никого не принимать и остался здесь. Потом услышал шаги. Дверь открылась, вошёл этот человек и сказал: «Игнатий, вы всё-таки постарели».

Ратников взглянул на лежащего.

— Фраза что-нибудь для вас значила?

— Лунин сказал почти то же самое перед нашей дуэлью. Я был старше его, он любил этим меня задевать. Поэтому, когда услышал знакомые слова от человека с его лицом, на несколько секунд действительно поверил.

— Кто мог знать эту подробность?

— Секунданты слышали. Возможно, кто-нибудь из слуг. Ничего особенно тайного в ней не было.

Ратников снова наклонился над незнакомцем.

На щеках виднелись следы краски. У виска край тонкой накладки отошёл после падения. Он осторожно подцепил её ногтем.

Под ней открылась другая линия скулы.

Корсаков присел рядом.

— Вот и наш покойник. Немного краски, накладка, полумрак и человек, которого заранее убедили, что к нему должен явиться мертвец.

— Остальное Сабуров сделал сам, — сказал Ратников. — Память дорисовала то, чего не хватало.

Сабуров мрачно посмотрел на незнакомца.

— Очень утешительно знать, что меня одурачили столь нехитрым способом.

— Не слишком простым. Сначала письмо почерком Лунина, затем старая фраза, потом похожее лицо. Всё рассчитано на первые несколько секунд. Иногда этого достаточно.

— А если бы я не выстрелил?

Ратников посмотрел на пистолет возле лежащего.

— Тогда он, вероятно, сделал бы следующий ход. Когда очнётся, спросим.

Словно услышав его, человек на полу застонал и открыл глаза.

Он увидел Сабурова, потом Ратникова и попытался подняться.

Корсаков удержал его за плечо.

— Не торопитесь. После такого падения полезнее полежать. Заодно поговорим.

— Мне нечего вам сказать.

— Это редко выясняется в первую минуту.

Ратников поднял лежавший на полу пистолет.

— Вы его даже не разрядили. Значит, стреляли не вы. Оружие понадобилось только для роли?

Незнакомец некоторое время молчал, потом нехотя ответил:

— Чтобы он поверил.

— В то, что перед ним Лунин?

— В то, что видел.

— Тогда расскажите, кто заплатил вам за представление.

Человек усмехнулся и тут же поморщился от боли.

— Имени не знаю. И если бы знал, вам бы не сказал.

Корсаков спокойно поправил перчатку.

— Имя пока оставим. Расскажите, где встретились, как выглядел посредник и кто готовил вам лицо. Начните с того, что не требует от вас героизма.

Незнакомец понял, что впечатления его молчание не производит.

— Деньги передали в трактире. Мужчина в сером пальто. Я видел его дважды. Гримировал другой человек, в комнате возле Сенной. Мне показали портрет и велели запомнить несколько слов.

— Про возраст? — спросил Ратников.

— Да. Сказали произнести сразу, как войду.

— А потом?

— Вывести Сабурова из дома. Сказать, что остальное он узнает на улице. Если откажется — уйти.

Корсаков посмотрел на Ратникова.

— Значит, убивать Сабурова он не собирался.

— Во всяком случае, такой задачи ему не дали.

За спиной послышались шаги.

Вернулся Бестужев.

Один.

— Не догнал. На соседней улице его ждали сани. Успел увидеть только, как они свернули.

Он заметил человека на полу.

— А этот, значит, остался?

— Не по собственной воле, — ответил Корсаков. — Зато у него будет время вспомнить подробности.

Ратников взял письмо со стола.

— Его заберём. Сравним почерк и бумагу с прежними письмами.

Сабуров кивнул на пленника.

— А его?

— Павел Андреевич найдёт ему подходящее место.

— Найду, — сказал Корсаков. — А вас попрошу сегодня не выходить из дома. Мы пока не знаем, зачем вас пытались выманить.

Сабуров нахмурился.

— Мне уже второй раз за вечер предлагают сидеть дома ради собственной безопасности.

— Привыкайте, — сказал Ратников. — Ваше имя стоит на бумаге, происхождение которой мне не нравится. Причём рядом с фамилией имеется буква «Д».

На лице Сабурова что-то изменилось.

Всего на мгновение.

— Не понимаю, о чём вы.

— Возможно. Но вы ответили прежде, чем я успел спросить, значит ли эта буква для вас что-нибудь. Воронцов сегодня сделал почти то же самое.

Сабуров отвёл взгляд.

— Я рассказал вам всё, что знаю.

— Нет, Игнатий Павлович. Вы рассказали всё, что сейчас готовы рассказать. Я не стану вытягивать остальное силой. Просто помните: иногда разница между этими двумя вещами стоит человеку жизни.

На следующий день Корсаков распорядился собрать всё, что можно было установить о пяти фамилиях без лишнего шума.

К полудню на его столе лежали четыре папки.

Пятой, как заметил Ратников, был он сам.

Корсаков разложил бумаги.

— Вчера мы пытались понять, что собираются сделать с этими людьми. Предлагаю начать сначала.

— Хорошая мысль. Особенно если на этот раз не предполагать заранее, что со всеми собираются сделать одно и то же.

— Именно. Пометки разные. Значит, и значение фамилий может быть разным.

Первым лежало дело Воронцова.

Корсаков раскрыл его.

— Лев Воронцов. Состояние значительное. Хорошие связи, знакомства при дворе и в нескольких ведомствах. Некоторое время служил, затем занялся имениями. Был секундантом Одоевского на дуэли с Салтыковым.

— И знает о Втором Счёте больше, чем признаёт.

— Это пока предположение.

— Очень хорошее предположение.

— Но есть важная подробность. Сам Воронцов в известной нам дуэли не участвовал. Он был секундантом.

Ратников кивнул.

— Значит, если ищем только людей, убивших противника на поединке, Воронцов сразу ломает схему.

Следующей была папка Сабурова.

— Здесь проще, — продолжил Корсаков. — Гвардейская служба, несколько дуэлей. Последняя значительная — с Петром Луниным. Лунин был ранен и умер через два дня.

— А двенадцать лет спустя кто-то начинает писать Сабурову от его имени.

— Причём для первой попытки использует сведения о старом поединке.

Ратников взял письмо.

— Пока сведения, которые можно было получить от живых людей. Секунданты, слуги, знакомые. Никакой мистики.

— Пока.

Третья папка оказалась толще.

— Николай Андреевич Верещагин, — сказал Корсаков. — Вот с ним интереснее. Несколько лет по дипломатической части, служба за границей, работа с перепиской. После возвращения ещё некоторое время оставался при ведомстве, затем ушёл по собственному прошению.

— Это мы знали.

— А вот этого — нет.

Корсаков протянул ему несколько выписок.

После ухода со службы Верещагин продолжал пользоваться старыми знакомствами. Он разыскивал частные письма, старые записки, сведения о людях, умерших много лет назад. Несколько раз обращался к бывшим офицерам и секундантам, расспрашивая о поединках, которые официально либо не происходили вовсе, либо проходили под другим названием.

Ратников перечитал одну из записей.

— Для чего?

— Никто не знает. Иногда говорил, что собирает материалы о нравах прежних лет. Иногда — что помогает знакомому привести в порядок семейные бумаги.

— Удобное занятие для человека, которому нужны чужие тайны.

— И ещё одно. Сам Верещагин несколько раз был секундантом. То есть знал, какие подробности дуэли остаются за пределами официальных бумаг.

Ратников положил выписку.

Теперь перед ним впервые появилась настоящая связь.

Не доказательство.

Но возможность.

— Архарову прислали письмо от Беклемишева, — сказал он. — В нём была подробность их дуэли, известная немногим.

— Да.

— Одоевскому написали от имени Салтыкова и напомнили о перчатке.

— Тоже верно.

— Теперь Сабурову напомнили фразу Лунина.

Корсаков понял первым.

— Верещагин мог собирать именно такие сведения.

— И старые письма. Значит, мог дать кому-то не только подробность, но и образец почерка.

Бестужев, сидевший у окна, повернулся.

— Тогда он и есть тот, кого мы ищем?

— Нет, — ответил Ратников. — Пока мы нашли человека, который мог снабжать того, кого ищем.

— Разница большая?

— Огромная. Не спешите превращать библиотекаря в автора всех книг, которые стоят у него на полках.

Корсаков взял четвёртую папку.

— Андрей Сергеевич Тучков.

Он помолчал.

— Здесь связь снова меняется.

По документам Тучкову было далеко за семьдесят.

Сомнений в личности почти не оставалось. Имя, отчество, прежняя служба, имение, родственники — всё совпадало.

Бестужев видел его накануне.

— Если бы меня попросили определить возраст, — сказал он, — я дал бы ему немного больше пятидесяти. Может быть, ошибся бы на несколько лет, но не на два десятка.

Ратников посмотрел на копию списка.

«Тучков — 22».

— Двадцать два, — произнёс Корсаков.

— Я умею читать.

— Разница между тем, сколько ему есть, и тем, сколько ему дают на вид...

— Не ровно двадцать два.

— Но достаточно близко, чтобы заметить.

Ратников отложил лист.

— Именно поэтому пока забудем об этом.

Бестужев удивился.

— Почему?

— Потому что красивые совпадения опаснее плохих. Они слишком быстро заставляют человека перестать думать.

Корсаков продолжил:

— У Тучкова тоже была дуэль. Давняя. Противник умер.

Ратников снова поднял глаза.

— От раны?

— По сохранившимся сведениям — да. Через некоторое время после поединка.

— Значит, уже трое непосредственно связаны с дуэлями, после которых противник умер: Сабуров, Тучков и я.

— Четвертый — Одоевский, если считать уже погибшего.

— Но его в нашем фрагменте нет.

— Верно.

Ратников прошёлся вдоль стола.

— Воронцов был секундантом Одоевского. Верещагин собирал сведения о старых дуэлях и сам бывал секундантом. Сабуров убил человека на дуэли. Тучков — тоже. Я стрелялся с Вяземцевым, после чего тот официально умер.

Бестужев оживился.

— Вот общее.

— Нет, — сказал Ратников.

— Почему?

— Потому что вы сейчас назвали три разных вида связи. Участник, секундант и человек, собирающий сведения. Если назвать всё это одним словом «дуэль», мы получим красивую картину, но ничего не объясним.

Корсаков задумчиво посмотрел на список.

— И всё же случайностью это уже не выглядит.

— Не выглядит.

Он снова взял папку Тучкова.

— Что произошло с ним после дуэли?

— Вот это установить сложнее. Несколько лет путешествовал, потом вернулся. Болел редко. Жил довольно замкнуто. Есть люди, которые утверждают, что он почти не изменился за последние двадцать лет.

— Люди любят преувеличивать.

— Конечно.

— А портреты?

— Ищем.

Корсаков помолчал, потом посмотрел на Ратникова.

— Александр Сергеевич, есть ещё одна вещь.

— По вашему лицу вижу, что мне она не понравится.

— Тучков выглядит заметно моложе своих лет.

— Мы это уже обсудили.

— Вы тоже.

Ратников не ответил.

Корсаков продолжил осторожнее:

— Я не говорю о двух или трёх годах. Люди, которые знали вас ещё в гвардии, отмечают, что за последние пятнадцать лет вы изменились меньше, чем следовало бы ожидать.

— Петербург полон завистников.

— Я совершенно серьёзно.

Ратников подошёл к окну.

Ему было пятьдесят два.

Чужие люди обычно давали около сорока.

Он никогда не придавал этому значения. Хорошее здоровье, привычка много двигаться, наследственность. Мужчина редко задаёт себе вопрос, почему выглядит моложе, если ответ ему нравится.

Но теперь на столе лежала фамилия Тучкова.

Рядом стояло число.

«22».

— Вы заметили? — спросил Корсаков.

— Заметил.

— И?

— Именно поэтому пока не хочу об этом говорить.

Бестужев посмотрел с одного на другого.

— Получается, Тучков и Александр Сергеевич отличаются от остальных?

— В одном отношении, — ответил Корсаков. — Но Сабуров выглядит на свои годы, Воронцов тоже. Верещагин, судя по описаниям, ничем особенным не выделяется. Значит, молодость не может быть общим признаком пятерых.

— Тогда что может?

Ратников вернулся к столу.

Перед ним лежали пять строк:

«Воронцов — С.»

«Сабуров — Д.»

«Верещагин — О.»

«Тучков — 22.»

«Ратников — Н. — последний».

Вчера он смотрел на них как на перечень людей, которым что-то собирались сделать.

Теперь эта мысль казалась слишком простой.

Воронцов уже был связан с дуэлью Одоевского.

Сабуров носил за собой смерть Лунина.

Верещагин собирал чужие дуэльные тайны.

У Тучкова после смертельного поединка обнаруживалось странное несоответствие возраста.

У самого Ратникова был Вяземцев — и пятнадцать лет, за которые время почему-то обошлось с ним слишком бережно.

— Мы задавали неправильный вопрос, — сказал он.

Корсаков поднял голову.

— Какой именно?

— Мы спрашивали, что собираются сделать с этими пятерыми. Возможно, надо спрашивать, что уже произошло с каждым из них.

Бестужев посмотрел на список.

— Тогда буквы...

— Могут обозначать не будущие действия, а состояние каждого дела.

— А двадцать два?

Ратников задержал взгляд на фамилии Тучкова.

— Вот это я особенно хочу узнать.

К вечеру он отправился в офицерский клуб.

Не потому, что надеялся найти там тайну Второго Счёта. Тайны редко сидели за карточным столом и громко требовали ещё вина.

Зато люди делали это постоянно.

В зале было жарко. Пахло табаком, воском, вином и мокрой шерстью шинелей. За одним столом играли в карты, за другим спорили о лошадях. Молодой корнет рассказывал историю о знакомом, вызвавшем человека за косой взгляд в театре.

С каждым пересказом история становилась красивее.

— И он действительно потребовал двадцать шагов?

— Разумеется.

— Я бы выбрал пятнадцать.

— Ты на пятнадцати в сарай не попадёшь.

За столом засмеялись.

Ратников сел в стороне и заказал вина.

Он слушал.

Молодые офицеры говорили о дуэлях так, как люди обычно говорят о войне, на которой ещё не были: красиво, просто, с обязательной честью и почти без крови.

Вскоре один из них узнал Ратникова.

Шёпот прошёл вдоль стола.

Через несколько минут к нему подошёл молодой поручик лет двадцати двух — красивый, уверенный и явно довольный тем, что жизнь наконец предоставила случай проявить характер.

— Александр Сергеевич Ратников? Поручик Долин. Я много слышал о ваших дуэлях.

— Я тоже много о них слышал. Некоторые, признаться, были гораздо интереснее тех, в которых я действительно участвовал.

Молодой человек улыбнулся.

— Говорят, вы никогда не отказывались от вызова.

— Значит, врут. Последние пятнадцать лет я занимаюсь этим с большим постоянством.

За соседним столом разговор стал тише.

Долин почувствовал внимание товарищей.

— Неужели знаменитый Ратников больше не стреляет? Бойтесь?

Ратников отпил вина.

— Нет. Ленюсь.

Кто-то за спиной поручика засмеялся.

Тот покраснел.

— Я спрашивал серьёзно. Если человек вас оскорбит, вы просто уйдёте?

— Постараюсь пережить оскорбление. Если ударит — ударю в ответ. Но зачем после этого назначать встречу за городом, искать секундантов и вставать под пулю, я давно перестал понимать.

— Есть честь.

— Есть. Только она удивительно редко требует именно заряженного пистолета.

Долин нахмурился.

— Вам легко говорить. Вы уже приобрели свою славу.

— Возможно. Но если человек хочет меня убить, пусть пытается. Вставать ради его удобства в двадцати шагах я не обязан.

За столом окончательно притихли.

Поручик некоторое время смотрел на него, потом сказал уже без прежней задиристости:

— В нашем возрасте на это смотрят иначе.

— Именно поэтому в вашем возрасте чаще лежат в земле. А потом друзья объясняют, что всё произошло исключительно из-за чести.

Долин хотел возразить, но Ратников подвинул к нему свободный бокал.

— Садитесь. Спорить удобнее за столом, чем на снегу с пистолетами.

Поручик поколебался и сел.

Через несколько минут разговор вернулся к обычным вещам: картам, лошадям, полковым сплетням, женщинам. Кто-то снова заговорил о дуэлях, но уже без прежнего восторга.

Ратников слушал и думал о двадцати шагах.

Странная мера человеческой глупости.

Достаточно далеко, чтобы не видеть страх в глазах другого.

И достаточно близко, чтобы его убить.

К Елизавете он приехал поздно.

Она встретила его без удивления.

— Вы опять без приглашения. Ещё немного, и мне придётся считать это привычкой.

— Я надеялся на традицию. Она звучит солиднее.

— Для традиции требуется хотя бы иногда приходить вовремя.

На столе стоял чай.

Ратников сел напротив.

Елизавета посмотрела на него внимательнее.

— Что сегодня произошло?

— Молодой офицер почти вызвал меня на дуэль. Я отказался.

Она чуть подняла брови.

— Стареете.

— Надеюсь.

Елизавета улыбнулась.

— Неожиданное желание для мужчины, который всегда обращался со временем так, будто получил его в неограниченном количестве.

Ратников посмотрел на неё.

— Иногда человек начинает ценить то, чего слишком долго не замечал.

— Время?

— Возможно. А возможно, просто мне стало лень мёрзнуть на рассвете.

— Вот это больше похоже на вас.

Она налила ему чай.

Разговор ушёл в сторону от убийств и мертвецов. Елизавета рассказала о новой пьесе, которую все хвалили, хотя никто из её знакомых не мог толком объяснить почему. Потом пожаловалась на цену дров и на соседку, уже третий раз увольнявшую одну и ту же горничную, а через неделю принимавшую её обратно.

Ратников поймал себя на том, что не хочет уходить.

Открытие оказалось неожиданно неприятным.

Пока человеку всё равно, где находиться завтра, смерть остаётся отвлечённым понятием.

Но стоит появиться месту, куда хочется вернуться, — и завтрашний день внезапно приобретает цену.

Он поднялся.

— Уже поздно. Даже я начинаю это понимать.

— Если действительно стареете, попробуйте как-нибудь прийти днём.

— Не требуйте слишком многого сразу.

— Тогда меняйте привычки постепенно.

На улице Ратников ещё улыбался.

Улыбка исчезла возле собственного дома.

Степан ждал его в передней.

— Александр Сергеевич, за вами присылали от Сабурова. Его человек сказал, что дело срочное и ждать до утра нельзя.

Ратников остановился.

— Больше ничего не передал?

— Только просил приехать немедленно. Судя по лицу, у них опять что-то случилось.

Ратников снова натянул перчатки.

— Велите подать сани. Похоже, сегодня всем не терпится лишить меня сна.

Сабуров ждал его в том же кабинете.

Следы недавней борьбы уже убрали. Пятно крови со ступени отмыли. Только царапина на щеке хозяина напоминала о человеке в гриме.

На столе лежал новый лист.

— Нашли после вашего отъезда, — сказал Сабуров. — Кто-то бросил его во двор через ворота. Слуга никого не видел.

— И вы решили, что на этот раз лучше позвать меня прежде, чем стрелять.

— После сегодняшнего представления я решил временно пользоваться чужим здравым смыслом.

— Очень опасная привычка. Показывайте.

Сабуров протянул письмо.

«Игнатий.

Я просил вас не подходить первым.

Вы всё-таки подошли.

Двенадцать лет достаточно.

Завтра вечером. Старый павильон за заставой.

Если хотите закончить наш разговор — приезжайте один.

Пётр Лунин».

Ратников прочитал письмо ещё раз.

— Почерк похож?

— Да. Но после первого письма я уже не доверяю собственным глазам. Меня беспокоит не почерк.

— Фраза о том, что вы подошли первым?

Сабуров кивнул.

— Перед дуэлью мы с Луниным приехали немного раньше остальных. Секунданты отошли выбирать место. Мы остались вдвоём, и тогда он сказал: «Если промахнусь, не подходите ко мне первым».

— Вы спросили почему?

— Конечно. Он ответил, что не хочет видеть моего лица, если всё кончится плохо. Мы когда-то были друзьями, Александр Сергеевич. Очень близкими. До того как сумели сделать всё, чтобы перестать ими быть.

Ратников положил письмо на стол.

— После выстрела Лунин упал, и вы всё-таки подошли.

— Да. Он был жив, но уже ничего не сказал. Потом подбежали секунданты.

— Насколько далеко они находились во время вашего разговора?

— Достаточно далеко. Я видел их у деревьев. Они не могли слышать. Слуги и кучера оставались у дороги.

Ратников некоторое время молчал.

— За двенадцать лет вы могли рассказать эту историю кому-нибудь и забыть сам разговор.

Сабуров покачал головой.

— Именно эту — нет. Я слишком часто вспоминал его просьбу и слишком долго пытался понять, почему Лунин не хотел, чтобы первым к нему подошёл именно я. Жене не говорил, друзьям тоже.

— Подумайте ещё раз. Мне сейчас важнее неприятная правда, чем красивая невозможность.

— Я уже подумал. Поэтому и послал за вами.

Ратников подошёл к окну.

Первый случай был понятен.

Почерк можно скопировать.

Чужое лицо — изменить.

Фразу, произнесённую при секундантах, — узнать.

Страх делает остальное.

Но теперь перед ним лежала другая подробность.

— Письмо всё равно написал живой человек, — сказал он. — Значит, и эти слова он откуда-то узнал. Возможно, источник существует, просто мы его пока не видим.

— Верещагин? — неожиданно спросил Сабуров.

Ратников медленно повернулся.

— Почему вы назвали именно его?

Сабуров понял, что сказал лишнее.

— Вы сами упоминали список.

— Я упоминал букву возле вашей фамилии. Верещагина — нет.

Несколько секунд они смотрели друг на друга.

— Игнатий Павлович, откуда вы знаете, что Верещагин стоит на том же листе?

Сабуров отвернулся к окну.

— Потому что много лет назад он приходил ко мне и расспрашивал о Луние.

Ратников не пошевелился.

— Когда?

— Давно. Я не придавал этому значения. Он сказал, что собирает сведения о старых поединках.

— Вы рассказали ему о просьбе Лунина?

— Нет.

— Уверены?

Сабуров повернулся.

— Теперь уже не уверен ни в чём. Но эту фразу, насколько помню, не рассказывал.

Ратников снова посмотрел на письмо.

Вот теперь пять фамилий приблизились друг к другу ещё на один шаг.

Верещагин не просто собирал сведения о чужих дуэлях.

Он приходил именно к одному из людей, записанных рядом с ним.

— Завтра вы никуда не поедете, — сказал Ратников.

— Вы хотите увидеть, кто будет ждать в павильоне, не меньше моего.

— Именно поэтому вместо вас поеду я.

— Письмо адресовано мне.

— А любопытство — мне. Посмотрим, кто из нас настойчивее.

Сабуров усмехнулся.

— Теперь понимаю, почему вас многие не любят.

— Я много лет работал над этим.

Ратников забрал письмо и направился к двери.

У порога остановился.

— Игнатий Павлович, последний вопрос. Когда Верещагин приходил к вам, он уже знал имя Лунина?

— Да.

— И знал, что Лунин умер после дуэли?

— Да.

— Откуда?

Сабуров медленно покачал головой.

— Не сказал.

Ратников вышел на лестницу.

Утром он доказал, что мертвеца можно сыграть.

Днём выяснил, что Верещагин собирал старые дуэльные тайны.

А вечером узнал, что много лет назад Верещагин приходил именно к Сабурову и спрашивал о мёртвом Луине.

Рациональное объяснение стало ближе.

И всё же одна деталь не укладывалась.

Сабуров утверждал, что никому не рассказывал последнюю фразу Лунина.

Если он говорил правду, кто-то знал то, чего не должен был знать.

Ратников сунул письмо в карман.

Теперь из пяти фамилий его больше всего интересовала третья.

Верещагин.

ГЛАВА VII. ВЫСТРЕЛ ИЗ ПУСТОТЫ

«Фокус перестаёт быть фокусом, когда зрителю позволяют заглянуть за занавес».

Утром Сабуров встретил Ратникова словами:

— Я всё-таки поеду.

— Знаю.

Сабуров нахмурился.

— Вчера вы говорили другое.

— Вчера я надеялся, что вы послушаетесь. Ночью понял, что надежда была чрезмерной.

— И поэтому решили уступить?

— Нет. Решил использовать ваш недостаток благоразумия.

Корсаков, стоявший у окна, усмехнулся.

Сабуров перевёл взгляд на него.

— Вы тоже здесь?

— Александр Сергеевич сообщил, что сегодня вы собираетесь сделать глупость. Я решил посмотреть, насколько большую.

— Очень трогательная забота.

Ратников положил на стол второе письмо Лунина.

— Вы поедете в павильон. Один — насколько это будет видно человеку, который вас ждёт. Мы с Павлом Андреевичем окажемся рядом.

— В письме велено приехать одному.

— Поэтому Бестужев останется у дороги. Мы подойдём раньше и спрячемся. Если заметим засаду, никакой встречи не будет.

Сабуров помолчал.

— А если там действительно Лунин?

— Тогда я первым принесу вам извинения и немедленно займусь пересмотром своих взглядов на смерть.

— Вы умеете шутить обо всём?

— Нет. Только о том, чего бояться пока рано.

Сабуров взял письмо.

— Что с Верещагиным?

— Его разыскивают. После того, что вы рассказали вчера, он стал гораздо интереснее.

— Он знал о Лунине.

— Он знал имя, обстоятельства дуэли и приходил к вам расспрашивать о прошлом. Этого достаточно, чтобы поговорить с ним, но недостаточно, чтобы объявить его организатором.

— Вы считаете, он мог передавать кому-то сведения?

— Считаю, что мог. Но между «мог» и «делал» обычно помещается большая часть хорошего расследования.

Сабуров усмехнулся.

— Иногда вы бываете удивительно осторожны.

— Только когда окружающие очень хотят, чтобы я поторопился.

Старый павильон стоял за заставой, в стороне от дороги.

Когда-то здесь находилось небольшое загородное имение. От главного дома остался занесённый снегом фундамент. Павильон уцелел лучше: каменный низ, деревянный верх, несколько узких окон и крыша, просевшая с одного края.

Позади тянулся заброшенный сад. Дальше, почти скрытая кустарником и снегом, проходила старая каменная стена. За ней когда-то шла хозяйственная дорога к службам имения.

Место подходило для тайной дуэли настолько хорошо, что Ратников сразу ему не поверил.

Они приехали заранее.

Бестужев остался у дороги с санями и двумя людьми Корсакова. Сам Корсаков обошёл павильон справа, Ратников — слева.

Свежий снег облегчал дело.

Человек, приблизившийся к самому зданию недавно, должен был оставить следы.

Возле главного входа виднелась старая дорожка, уже присыпанная порошей. У задней стены — ничего нового.

Ратников прошёл к небольшой пристройке.

Дверь перекосило. Внутри лежали гнилые доски, остатки садовых инструментов и обвалившаяся штукатурка.

Никого.

Корсаков вернулся с другой стороны.

— Возле здания свежих следов нет.

— Мне это не нравится.

— Вам не нравится, когда преступник оставляет следы, и не нравится, когда не оставляет.

— Именно поэтому с преступниками трудно работать.

Корсаков посмотрел в сторону старой садовой стены.

— Проверим дальше?

Ратников прикинул расстояние.

Стена находилась достаточно далеко. Между ней и павильоном лежал открытый заснеженный участок старого сада.

— Если стрелять собираются оттуда, Сабурову придётся очень постараться, чтобы попасть под пулю. Проверим позже. Сейчас важнее всё, откуда можно достать его обычным выстрелом.

Это решение впоследствии Ратников запомнил.

Они вошли внутрь.

Главная комната была почти пустой. У стены стоял сломанный стол, в углу валялась скамья. В одном окне не хватало части рамы, и ветер понемногу заносил снег на пол.

На противоположной стене темнела неглубокая деревянная ниша.

Ратников осмотрел комнату.

— Если Сабурова хотят убить, здесь слишком много удобных мест.

— Обнадёживающее замечание.

— Я стараюсь.

Корсаков проверил соседнее помещение.

— Чисто.

— Значит, ждём.

Они выбрали места.

Корсаков спрятался в соседней комнате, откуда через щель в повреждённой перегородке видел почти весь зал.

Ратников вышел наружу и устроился за остатками каменной стены сбоку от павильона. Оттуда просматривались вход и часть бокового окна, но сам он оставался скрыт от человека, который мог наблюдать из старого сада.

Сумерки быстро сгущались.

Мороз усиливался.

Ратников стоял неподвижно и думал о том, что в молодости ожидание дуэли казалось ему почти приятным.

Не сама опасность.

Минута перед ней.

Мир становился простым. Исчезали долги, обязательства, обещания, скучные разговоры и люди, которых следовало терпеть. Оставались только расстояние, пистолет и другой человек.

В этом, вероятно, заключалась одна из причин, почему дуэли так нравились молодым.

Они превращали сложную жизнь в простую задачу.

Теперь Ратникову такая простота казалась подозрительной.

Вдали показались сани.

Сабуров приехал один.

По крайней мере, именно это должен был увидеть тот, кто за ним наблюдал.

Он отпустил кучера у дороги и пошёл к павильону пешком.

Ратников следил за рощей.

Ни движения.

Сабуров вошёл.

Прошла минута.

Потом другая.

Ничего.

Ратников уже начал думать, что встреча сорвалась, когда из павильона донёлся голос.

Тихий.

Мужской.

Слов сначала было не разобрать.

Ратников напрягся.

Дверь оставалась перед глазами.

Никто не входил.

Голос прозвучал снова.

— Игнатий.

Сабуров ответил:

— Я здесь.

— Вы всё-таки приехали.

Голос звучал странно.

Не из соседней комнаты.

Не с улицы.

Казалось, он возникал где-то внутри самого павильона.

Ратников приблизился к стене.

— Покажитесь, — потребовал Сабуров.

— Вы хотели закончить наш разговор.

— Именно поэтому я приехал. Но разговаривать со стеной не намерен.

После короткой паузы голос ответил:

— В первый раз вам тоже мешало моё лицо.

Сабуров повернул голову, пытаясь определить направление.

Не смог.

Ратников тоже.

Голос словно не имел определённого источника.

— Если вы Лунин, покажитесь.

— Встаньте у окна.

Ратников насторожился.

Не слова.

Место.

Сабурова заставляли занять определённую точку.

Он двинулся к двери.

Внутри Сабуров сказал:

— Я не собираюсь выполнять приказ человека, который боится выйти из темноты.

— Вы выполнили гораздо худший приказ двенадцать лет назад.

— Тогда хотя бы видел, в кого стреляю.

— Сегодня это не обязательно.

Ратников вошёл в переднюю часть павильона.

Корсаков уже появился в дверях соседней комнаты.

Сабуров заметил обоих, но ничем себя не выдал.

— Встаньте у окна, Игнатий.

Сабуров медленно сделал несколько шагов.

— Так?

— Ещё немного вправо.

Ратников остановился.

Теперь сомнений не было.

Его выставляли на заранее выбранное место.

Сабуров оказался почти напротив деревянной ниши.

— Достаточно, — сказал голос.

Ратников посмотрел на нишу.

Ничего.

— Поднимите пистолет.

Сабуров поднял руку.

— В кого мне стрелять?

— В меня.

— Для этого мне придётся вас увидеть.

— Стреляйте прямо перед собой.

Ратников шагнул в комнату.

— Сабуров, довольно.

Но голос уже произнёс:

— По моей команде.

Сабуров держал пистолет направленным в темноту.

— Огонь!

Сабуров выстрелил.

Комната мгновенно наполнилась дымом.

От отдачи он качнулся и сделал короткий шаг в сторону.

Почти сразу прозвучал второй выстрел.

Сабурова резко развернуло.

Он упал.

— Игнатий!

Корсаков оказался возле него первым.

Ратников увидел кровь на плече, но не остановился.

Второй выстрел пришёл спереди.

Он бросился к нише.

Никого.

Открыл дверь соседней комнаты.

Пусто.

Выбежал через задний выход.

Мороз ударил в лицо.

Роща.

Снег.

Тишина.

Никто не убегал.

Он пробежал вдоль стены.

Свежих следов возле павильона не было.

Со стороны дороги появился Бестужев.

— Что случилось?

— Был второй выстрел.

— Откуда?

— Именно это я хотел бы знать.

— Никто не выходил к дороге. Мы смотрели всё время.

Ратников оглянулся на старую садовую стену.

Она темнела в сумерках далеко за павильоном.

Впервые он вспомнил собственные слова.

«Если стрелять собираются оттуда...»

Он вернулся внутрь.

Сабуров сидел у стены. Корсаков разрезал ткань сюртука возле плеча.

— Пуля прошла через мягкие ткани. Кость, кажется, не задета.

Сабуров побледнел, но сознания не потерял.

— Вы были правы.

— Насчёт чего?

— Не надо было ехать.

— Если начнёте соглашаться со мной после каждого ранения, придётся чаще брать вас на опасные встречи.

— Очень смешно.

— Значит, жить будете.

Ратников присел рядом.

— Где вы стояли перед первым выстрелом?

Сабуров указал.

— Там. Он несколько раз поправлял меня.

— После собственного выстрела вы сдвинулись вправо.

— Наверное. От дыма ничего не видел.

Ратников посмотрел на разорванный сюртук.

Входное отверстие находилось ближе к внешней стороне плеча.

Он встал туда, где Сабуров находился до выстрела.

Перед ним была ниша.

— Павел Андреевич.

Корсаков подошёл.

Ратников указал на собственную грудь.

— Если бы Сабуров остался здесь, пуля пришлась бы ближе к середине тела.

— Значит, его спас шаг после выстрела.

— Похоже на то.

Сабуров посмотрел на них.

— Вы хотите сказать, что тот человек не собирался меня только пугать?

— Я хочу сказать, что лучше не проверять это второй раз.

Теперь Ратников знал направление.

Он подошёл к нише.

На высоте человеческой груди в тёмной деревянной панели обнаружилось небольшое отверстие.

Края почернели.

— Свет.

Бестужев поднёс фонарь.

Ратников приблизил лицо.

Пахло свежим порохом.

— Вот откуда пришла пуля.

Корсаков осмотрел стену.

— Значит, оружие за панелью.

— Или было там.

Теперь они искали уже не наугад.

Панель простучали. За одной из досок звук оказался глуше. Ратников нашёл крепление и осторожно поддел край ножом.

Доска отошла.

Внутри стены был закреплён короткий кремнёвый пистолет.

Не дуэльное оружие.

Грубая рабочая вещь с укороченным ложем, жёстко зажатая в деревянной раме.

Ствол смотрел через отверстие точно туда, где стоял Сабуров.

К спуску была привязана тонкая прочная бечева.

Корсаков поднял фонарь выше.

— Вот и наш стрелок.

— Пока только его оружие.

Ратников осмотрел пистолет, не снимая его с крепления.

Курок был спущен. На полке оставались свежие следы пороха.

— Его зарядили и взвели заранее. Чтобы выстрелить, достаточно было потянуть за спуск.

Бечева уходила вниз.

Они сняли нижнюю доску.

Внутри были вбиты маленькие металлические кольца. Через них бечева меняла направление и уходила под пол.

Бестужев присел рядом.

— В бумагах Шульца было что-то похожее.

— Именно это, — сказал Ратников.

Он вспомнил обгоревший лист:

«...спуск посредством тонкой тяги...

...без прикосновения к замку...

...пружина усиленная...»

Тогда слова почти ничего не объясняли.

Теперь перед ними стояло устройство, для которого они были написаны.

Бечева проходила под половицами к задней части павильона. В кладовой она уходила в узкий деревянный короб у самой земли.

Ратников вышел наружу.

Короб продолжался под снегом.

Они расчистили его.

Он тянулся через старый сад.

Не к роще.

К дальней каменной стене.

Корсаков посмотрел на Ратникова.

— Та самая стена, которую мы решили оставить на потом.

— Да.

— Приятно иногда ошибаться вместе.

— Мне от этого не легче.

Они пошли вдоль короба.

Теперь стало ясно, почему при первом осмотре никто не обратил на него внимания. Сверху он почти полностью скрывался под землёй и снегом. Лишь в нескольких местах сгнившие доски выступали наружу.

У старой стены бечева выходила из короба.

Её конец лежал среди камней.

Рядом выступал край металлической трубы.

Ратников присел.

— Вот здесь находился человек.

В стене был старый пролом, частично закрытый кустарником. Через него хорошо просматривалось одно из окон павильона.

Не весь зал.

Но место, куда поставили Сабурова, было видно.

Корсаков встал возле пролома.

— Он видел Сабурова.

— И почти наверняка только его. Нас с вами — нет. Я находился сбоку, вы внутри соседней комнаты.

— Значит, он мог вообще не знать, что мы устроили наблюдение.

— Именно.

Ратников посмотрел за стену.

Там проходила старая хозяйственная дорога.

Ею продолжали пользоваться: снег был истоптан, виднелись следы полозьев и копыт.

Среди них имелась совсем свежая колея.

Она уходила в сторону дальней роши.

Бестужев присел возле следа.

— Сани прошли недавно.

— Насколько недавно?

— После последнего снега. Больше не скажу.

Ратников посмотрел вдоль дороги.

Она не соединялась с той, которую наблюдал Бестужев.

Человек мог прийти сюда заранее.

Мог уйти отсюда после выстрела.

И ни разу не приблизиться к павильону.

— Я искал человека достаточно близко, чтобы он мог выстрелить, — сказал Ратников.

Корсаков посмотрел на уходящую под снег бечеву.

— А ему не требовалось быть достаточно близко.

— Именно. Он заставил оружие остаться возле Сабурова вместо себя.

Бестужев указал на металлическую трубу.

— А это?

Ратников провёл пальцами по её краю.

— Сейчас узнаем.

Труба шла в том же коробе, что и бечева.

Они вернулись к павильону и нашли второй конец в стене над скрытым оружием.

Бестужев снова отправился к садовой стене.

Корсаков остался в комнате.

Через некоторое время из стены донёсся голос:

— Павел Андреевич, слышно?

Слова были хорошо различимы, но тембр изменился. Голос стал глуше, и понять его направление оказалось трудно.

Сабуров поднял голову.

— Именно так он и говорил.

Ратников кивнул.

Теперь вся сцена складывалась.

Человек заранее находился за садовой стеной.

Перед ним — конец акустической трубы и бечева.

Через пролом он видел окно павильона.

Он говорил в трубу, заставляя Сабурова занять место на линии скрытого пистолета.

Затем приказал поднять оружие.

Дал команду.

Сабуров выстрелил.

Человек услышал выстрел и сразу дёрнул бечеву.

Скрытый пистолет ответил.

После этого оператору оставалось пройти несколько шагов до хозяйственной дороги, где его могли ждать сани.

Никакого исчезновения.

Никакого выстрела из пустоты.

Только расстояние, которое Ратников сначала счёл слишком большим.

— Один человек? — спросил Бестужев.

— Для самого представления достаточно одного, — ответил Ратников. — Кто устанавливал устройство и кто ждал его с санями — другой вопрос.

— Шульц?

— Шульц мог изготовить части. Это ещё не значит, что он лежал в снегу и прокладывал трубу.

Корсаков добавил:

— И не значит, что он отдавал приказ.

Ратников посмотрел на свежую колею.

— Здесь есть исполнитель. Возможно, есть тот, кто обеспечил ему отход. А выше них — человек, которому понадобилось всё это представление.

Они вернулись к павильону.

Сабуров уже стоял, опираясь на руку одного из людей Корсакова.

— Вы нашли моего покойника?

— Нет. Зато нашли его голос и пистолет.

— Этого достаточно?

— Для сегодняшнего вечера — вполне.

Сабуров посмотрел на нишу.

— Значит, человек стоял далеко отсюда.

— За старой стеной. Говорил через трубу и управлял пистолетом бечевой.

— И я едва не позволил верёвке убить себя.

— Не унижайте верёвку. За ней всё-таки стоял человек.

Сабуров усмехнулся и поморщился от боли.

— Покойники стали удивительно изобретательны.

— Сегодняшний покойник оказался живым.

— Сегодняшний выстрел — да. А письмо?

Ратников ничего не ответил.

Сабуров заметил паузу.

— Вот и я о том же.

Корсаков распорядился увезти Сабурова.

Ратников задержался.

Он вернулся к старой стене.

Бестужев уже собирался идти следом, но Ратников остановил его.

— Подождите.

Он поднял конец бечевы.

— Что-то нашли?

— Пока только то, что уже нашли.

Ратников потянул.

Бечева легко пошла через короб.

Ещё немного — и часть её показалась из-под снега.

Он отпустил.

— Человек держал этот конец в руке.

— Должен был.

— После выстрела ему оставалось одно движение ножом.

Бестужев понял.

— Перерезать.

— Да. Или просто вытянуть бечеву за собой. Кольца меняют направление, но не держат её намертво.

Корсаков вернулся к ним.

— Что происходит?

Ратников показал бечеву.

— Наш оператор ушёл по хозяйственной дороге. Возможно, там его ждали сани. Путь отхода был приготовлен заранее.

— Похоже на то.

— Тогда почему он оставил это?

Корсаков посмотрел на конец бечевы.

— Торопился после выстрела.

— Возможно. Но он не бежал от нас. Скорее всего, он даже не знал, что мы здесь. По крайней мере, доказательств обратного нет.

— Тогда мог просто не подумать.

— Человек заранее проложил трубу, установил пистолет, вывел бечеву за стену, выбрал точку наблюдения и подготовил отход. А потом не подумал о единственной вещи, которая связывает его место с оружием?

Корсаков нахмурился.

— Вы считаете, что её оставили намеренно.

— Я считаю, что такую возможность теперь нельзя отбрасывать.

— Зачем?

Ратников посмотрел на павильон.

— Пока не знаю.

В город вернулись поздно.

Рейнер осмотрел Сабурова и подтвердил, что ранение тяжёлым не было. Пуля прошла через мягкие ткани плеча, не задев кость.

Когда они вышли в соседнюю комнату, врач вытер руки.

— Ему повезло. Ещё немного в сторону — и последствия были бы совсем другими.

— Он шагнул после собственного выстрела, — сказал Ратников.

— Тогда пусть благодарит привычку двигаться.

— Я сначала подумал, что стрелявший намеренно целился в плечо.

Рейнер посмотрел на него с недовольством.

— Пистолет закреплён в стене, человек дёргает бечеву издали, Сабуров двигается после выстрела, комната полна дыма, а вы хотите приписать неизвестному точность хирурга? Не усложняйте.

Ратников улыбнулся.

— За это я вас и терплю.

— За то, что мешаю вам превращать случайность в замысел?

— Именно.

— Тогда вам придётся терпеть меня долго.

На этот раз Ратников не ответил шуткой.

Позже они с Корсаковым сидели над бумагами.

На столе лежали второе письмо Сабурову, копия обгоревшего заказа Шульца и рисунок найденного устройства.

Бестужев изобразил всё просто:

пистолет в стене;

бечева;

направляющие кольца;

деревянный короб;

акустическая труба;

старая садовая стена;

хозяйственная дорога.

Корсаков провёл пальцем по старой выписке.

— «Спуск посредством тонкой тяги. Без прикосновения к замку». Теперь понятно, что имелось в виду.

— Да.

— И это вас опять не радует.

— Наоборот. Всё получилось слишком хорошо.

Корсаков откинулся на спинку кресла.

— Сначала вы жалуетесь, что ничего не понимаете. Теперь жалуетесь, что понимаете слишком много.

— Именно.

— Тяжело с вами работать.

— Я предупреждал.

Ратников положил рядом рисунок механизма и выписку из книги Шульца.

— Мы находим у Шульца описание устройства. Через несколько дней сталкиваемся с самим устройством.

— Не обязательно тем же самым.

— Разумеется. Но принцип совпадает. И тот, кто им управлял, оставляет нам всю цепочку.

— Бечеву.

— Не только. Бечеву, трубу, пистолет, кольца. Всё, что нужно, чтобы понять фокус.

Корсаков некоторое время молчал.

— Если бы бечева была перерезана?

— Мы всё равно нашли бы пистолет. Возможно, нашли бы трубу. Но место оператора за садовой стеной пришлось бы устанавливать гораздо дольше. А главное — связь с дистанционным спуском Шульца была бы не такой очевидной.

— Значит, вы думаете, что механизм не просто плохо спрятали.

— Я думаю, что его спрятали достаточно хорошо для Сабурова и достаточно плохо для нас.

Корсаков посмотрел на него внимательнее.

— Это уже звучит неприятно.

— Мне тоже не нравится.

Ратников положил перед собой лист с пятью фамилиями.

«Воронцов — С.»

«Сабуров — Д.»

«Верещагин — О.»

«Тучков — 22.»

«Ратников — Н. — последний».

Рядом лежало письмо Лунина.

— Вспомните, что нам уже показали. Мёртвого человека можно изобразить с помощью грима, старого почерка и правильно выбранной фразы.

— Это мы знаем.

— Теперь нам показали, что голос может звучать из пустой комнаты, а выстрел — прийти оттуда, где нет стрелка.

— И это тоже объяснено.

— Именно.

Корсаков понял, к чему он ведёт.

— Вы считаете, объяснение и было частью представления?

— Пока только допускаю.

— Зачем?

Ратников встал и подошёл к окну.

На улице прошли поздние сани.

Он подождал, пока звук исчезнет.

— Если бы кто-то действительно хотел убедить нас в существовании мертвецов, он старался бы скрыть человеческую сторону каждого случая. А здесь происходит обратное. Стоит нам поискать — и мы находим грим, исполнителя, механизм, трубу, бечеву.

— Возможно, потому что всё это и есть человеческие фокусы.

— Конечно.

— Тогда где загадка?

Ратников повернулся.

— В том, почему нам позволяют разоблачать их так быстро.

Корсаков нахмурился.

— Вы хотите сказать, что кто-то вас чему-то учит?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.